

МИРОВОЙ

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

БЕСТСЕЛЛЕР

КЕЙТ АТКИНСОН

ВИТАЮЩИЕ *в облаках*

Аткинсон
искренне переживает
за своих героев
и с привычной
лихостью игнорирует
жанровые
рамки.

Standard

18+

АЗБУКА

Азбука-бестселлер

Кейт Аткинсон

Витающие в облаках

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Аткинсон К.

Витающие в облаках / К. Аткинсон — «Азбука-Аттикус»,
2000 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-14482-8

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбиться и российскому читателю («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия». Итак, познакомьтесь с Норой и Эффи; Нора – мать, а Эффи – дочь. На крошечном шотландском островке, среди вересковых пустошей и торфяного мха, они укрываются от стихий в огромном полуразрушенном доме своих предков и рассказывают друг другу истории. Нора целует жаб, собирает крапиву на суп и говорит о чем угодно, кроме того, о чем Эффи хочет услышать, а именно – кто же ее отец. Эффи рассказывает о своем приятеле Бобе, который давно перестал ходить на лекции по философии, почти не вылезает из кровати, и для него «клингоны не менее реальны, чем французы и немцы, и уж куда реальнее, скажем, люксембуржцев». Тем временем кто-то, возможно, следит за Эффи; кто-то, возможно, убивает стариков; и куда-то пропал загадочный желтый пес... Впервые на русском.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14482-8

© Аткинсон К., 2000
© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Мертвый сезон (Первый вариант)	9
1972	10
Кровь от крови и кость от кости	10
Chez Bob[14]	15
Искусство структуралистской критики	20
Что пропустила Нора	35
Меж Эдинбургом и Данди есть города	44
Chez Bob	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кейт Аткинсон

Витающие в облаках

© Т. Боровикова, перевод, примечания, 2018
© Н. Хоменко, послесловие, примечания, 2018
© А. Гузман, примечания, 2018
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Кейт Аткинсон – настоящее чудо.

Гиллиан Флинн

Блестящая, энергичная, лихая проза Аткинсон в этом, третьем по счету, романе потрясает, как и во всех других ее книгах... Остроумно, смело и незабываемо.

Times

Оригинальный сюжет с избытком эксцентричных персонажей... Этой многослойной, прекрасно написанной книгой Кейт Аткинсон вскрыла золотую жилу.

Time Out

Подлинно комический роман – местами смешной до боли... Пронизанная остроумием и озорством книга зовет читателя в уморительно смешное и волшебное путешествие.

Daily Express

Романы Аткинсон замечательны и сами по себе, и как признаки того, что на наших глазах растет блестящий, глубоко оригинальный писатель.

Daily Telegraph

Сила Кейт Аткинсон как писателя – в ее наблюдательности и юморе.

Guardian

Когда читаешь, со страниц летят разряды, пронизывающие наслаждением... Может вызвать громкое непроизвольное хихиканье в городском транспорте. Самое забавное творение Кейт Аткинсон на сегодняшний день... эксцентричная книга, не перестающая смешить читателя, по-диккенсовски или даже по-шекспировски избыточная... Колоссальное удовольствие.

The Scotsman

Блестящая, вызывающая игра с самой тканью повествования.

New Statesman

Кейт Аткинсон остроумна, не говорит ни одного лишнего слова, заставляет вас задуматься и не идет ни у кого на поводу.

Sunday Times

Подлинная комедия, подлинная трагедия, бодрящее отсутствие сентиментальности.

The Boston Sunday Globe

Кейт Аткинсон умеет быть загадочной и смешной, поднимая этот свой дар в новом романе до заоблачных высот.

Sunday Tribune

Ее изобретательная энергия не скована цепями реализма, и читать этот роман – все равно что кататься с американских горок. Скучно не будет.

Mail on Sunday

Кейт Аткинсон пишет, руководствуясь остро отточенным литературным чутьем... Забавно, умно и странно трогательно.

Caledonian

Книга буквально искрит энергией и остроумием... удовольствие автора от самого процесса письма заразительно.

Literary Review

Сказка на старый добрый лад. Она несется на всех парах, заставляя лихорадочно переворачивать страницы, чтобы узнать, чем все кончилось, – даже если вы уже давно уговариваете себя, что пора спать.

Washington Post

Тонкая, полная аллюзий и потрясающе смешная книга.

Glasgow Herald

Эта блестящая, захватывающая проза вновь подтверждает: Аткинсон – один из наиболее выдающихся писателей нашего времени.

Yorkshire Post

Кейт Аткинсон нашла свою лучшую тему и таким образом раскрыла тайну, как написать подлинно смешной комический роман.

Newsday

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Кейт Аткинсон смело экспериментирует с такими понятиями, как свобода воли, предопределение и само время. Ее героев не забудешь при всем желании, а в том, что касается развития сюжета, она без преувеличения гений.

New York Times

Аткинсон искренне переживает за своих героев и с привычной лихостью игнорирует жанровые рамки.

Standard

В каждой семье найдутся свои негодяи, бунтари, лжецы и обманщики – но только Кейт Аткинсон умеет описать их с таким юмором и так полнокровно.
The Washington Times

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать до слез, то рыдать в голос – иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!
The Boston Sunday Globe

Автор явно любит своих героев и выписывает их непростые взаимодействия с азартным упоением.
Spectator
Лесли Денби, урожденной Эллисон, – с любовью

Автор благодарит:

Хелен Клайн, Лесли Денби, Хелен Хау, отель «Говард» (Эдинбург), Морин Линехан, Гарета Маклина, Дэвида Мэттока, Мартина Майерса, Эли Смит, Сару Вуд.

Изображенный в этой книге Университет Данди (особенно кафедры английского языка и философии) очень мало схож с действительностью, как прошлой, так и настоящей. Все персонажи книги полностью вымышлены и не являются портретами ныне живущих или когда-либо живших людей.

– И все это в одном слове? – сказала задумчиво Алиса. – Не слишком ли это много для одного!

– Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему сверхурочные, – сказал Шалтай-Болтай.

– Ах, вот как, – заметила Алиса.

Она совсем запуталась и не знала, что и сказать.

– Посмотрела бы ты, как они окружают меня по субботам, – продолжал Шалтай, значительно покачивая головой. – Я всегда сам выдаю им жалованье.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.
Перевод Н. Демуровой

Мертвый сезон (Первый вариант)

1

Инспектор Джек Баклан въехал в город Моревилль-на-Море по дороге, идущей вдоль побережья. Сегодняшнее солнце (впрочем, инспектор знал, что солнце всегда одно и то же) уже весело карабкалось по небосводу. Было чудесное утро. Жаль, что его испортит вынужденный визит на «Госпожу Удачу» по поводу ее груза – одной дамы, весьма неудачливой. И к тому же мертвой. Джек Баклан вздохнул. День ото дня его работа не становилась легче. Он служил в полиции уже столько лет, что ему даже не хотелось об этом думать. Он был обычный, старомодный детектив. Безо всяких странностей и чудинки – он не разгадывал кроссворды, не был бельгийцем и тем более женщиной¹. Он был человеком на своем месте. Но счастлив он не был. Ему не хотелось в такое чудесное утро возиться с трупами. В особенности на пустой желудок.

Мадам Астарты пока не знала о трупе. Она пыталась разлепить веки. Они были намертво склеены сном, тушью и вчерашним джином (да, это был явный перебор) в «Крабе и ведре» в компании Сандры и Брайана. Мадам Астарты вздохнула и ощупью нащупала на тумбочке у кровати зажигалку и пачку «Плейерс». Ей нравился запах табака по утрам².

Чайки били чечетку на крыше, возвещая, что в Моревилль-на-Море пришел новый день. Сквозь щель меж занавесками виднелось солнце цвета яичного желтка. Восход, подумала она, маленькое ежедневное чудо. Вот будет забавно, если однажды утром солнце не встанет. Впрочем, не очень забавно – ведь тогда все живое на Земле погибнет. Настанет подлинно мертвый сезон.

¹ Имеются в виду соответственно инспектор Морс (герой 13 романов британского писателя Колина Декстера, выпущенных в 1975–1999 годах, и поставленного по ним сериала (1987–2001)), а также знаменитые персонажи Агаты Кристи – Эркюль Пуаро и мисс Марпл.

² Аллюзия на знаменитую фразу из фильма Ф. Копполы «Апокалипсис сегодня» («Мне нравится запах напалма по утрам»).

1972

Кровь от крови и кость от кости

Моя мать – девственница. Можете мне поверить. Моя мать, Нора, – полыхающий каледонский маяк – утверждает, что не тронута рукой мужчины и чиста, как Жанна д'Арк или свежеснеженный снег на Грампианских горах. Если бы полиция выстроила несколько женщин в ряд, как на опознании, и попросила вас выбрать среди них девственницу, вы бы никогда, ни за что не выбрали Нору.

Значит, я – дитя чуда и волшебства? Может быть, накануне моего рождения в ночном небе явились знаки и предвестия? Может быть, Нора – Пресвятая Дева? Нет, конечно.

Если верить моей метрике, я родилась в Обане, а это, по-моему, совсем неподходящий город для второго пришествия. Нора укутала начало моего земного бытия таким туманом, такой тайной, что я выросла в уверенности: я не иначе как принцесса инкогнито, королевской (истинно голубой) крови, и жду лишь дня, когда смогу без опаски вступить в права владения. Теперь оказывается, что все гораздо сложнее.

Мне двадцать один год, и меня (насколько мне известно, – кажется, у нас ни в чем не может быть полной уверенности) зовут Эвфимия Стюарт-Мюррей. Уменьшительное – Эффи. В честь Нориной сестры, которая утонула в реке в день, когда родилась я. Самой Норе было всего семнадцать лет, когда я вошла в этот материальный мир. Дитяти пришлось воспитывать дитя, как говорит она.

Конечно, из Стюартов-Мюрреев я никого не знаю. В моем детстве не было ни доброго дедушки, ни дядьев, всегда готовых со мной поиграть. Нора никогда не гостила у брата, не вспоминала с задумчивой нежностью о матери. Даже само имя нашего рода звучит для меня непривычно, ибо всю мою жизнь мы с Норой обходились гораздо более прозаической фамилией, Эндрюс. А если у человека нет уверенности в собственном имени, в чем он вообще может быть уверен? Моя мать так мало общается с родственниками (а родственники – с ней), что, может быть, ее вынесло на берег волной в перламутровой раковине или она выпрыгнула, уже взрослая и соразмерная, из головы какого-нибудь гневного бога, и в жилах ее течет холодная золотая жидкость³.

Нора всю мою жизнь упорно молчала о нашей родне. Единственное, что она мне открыла, – мы происходим из того же рода, что Мария Стюарт, и пороки этой давно почившей королевы настигают нас из поколения в поколение. Особенно, по словам Норы, склонность выбирать не тех мужчин. Но мне кажется, эта черта характерна не только для Марии Стюарт и даже не только для представителей рода Стюартов-Мюрреев.

Я вернулась домой – если это можно назвать домом, ведь я никогда здесь не жила. Моя жизнь – сплошные парадоксы. Я забралась на крайний запад – дальше просто некуда, между нами и Америкой только океан. Я на острове в этом океане. Пятнышко торфа поросло вереском и ошетинилось чертополохом. С Луны его не увидеть. Остров моей матери. Нора говорит, что это не ее остров и что сама концепция землевладения лишена смысла, более того – идеологически неверна. Но хочет того Нора или нет, она владычица всего, что видит глаз. Хотя это – большей частью вода⁴.

³ Аллюзия на рождение греческой богини мудрости Афины из головы Зевса.

⁴ Первая отсылка к шекспировской «Буре». Как владычица острова, позже называемая «магиней» (женская форма от слова «маг»), Нора уже является женской версией Просперо, но в то же время и ведьмой Сикораксой. Однако тут Аткинсон

Мы не одни. Остров кишит упорной шотландской живностью – зверями в толстых шубах и злобными птицами. Они снова захватили эту землю, когда люди покинули ее ради удобной жизни на материке. Нора – она из тех, кто вечно плюет против ветра, – совершила путешествие в обратном направлении, покинув удобства Большой земли ради этого заброшенного клочка суши. Впрочем, под «Большой землей» мы не всегда подразумеваем материк как таковой. Часто имеется в виду соседний остров, чуть больше нашего. Так съезжился наш мир.

Нора, вечное перекаати-поле, блуждающая звезда, диаспора из одного человека (двух, считая меня), провела годы моего детства в изгнании с родной земли, порхая с одного английского морского курорта на другой, словно охваченная синдромом навязчивых картографических действий, гонящим ее мерить шагами побережье. Глядя на нас, можно было подумать, что мы – отдыхающие, чей отпуск никогда не кончается.

Раньше я задавалась вопросом: может, Нора начала путешествие на мысу Край Земли и теперь пытается попасть в Джон-О'Гроутс?⁵ Впрочем, я бы не смогла объяснить, зачем ей это. Конечно, она шотландка, но ведь миллионы шотландцев живут себе спокойно, и их за всю жизнь ни разу не тянет в Джон-О'Гроутс.

Теперь она говорит, что умрет здесь, на острове. Но ей всего тридцать восемь лет – не собирается же она умирать так рано? Нора говорит, что все равно когда умирать – что наша жизнь лишь иллюзия. Может, это и так, но холодный дождь все равно пронизывает до костей, а шквалы треплют нам волосы. (Мы здесь поистине открыты буйству непогоды.) И вообще, я не верю, что Нора когда-нибудь умрет. Мне кажется, она лишь изменится.⁶ Она уже начала меняться, она превращается в тварь стихий, с морской водой вместо крови и известняковыми костями. Она деэволюционирует, уходит все глубже в древнюю, рыбью часть мозга. Может быть, скоро она уползет обратно в царство Нептуна и заявит свои права как наследница каких-нибудь завров. Или станет чем-нибудь монументальным – горой в ледяной шапке, усыпанной валунами, или пузырящимся ручейком с водой, бурой от торфа, что сбегает к морю, неся в себе молодь угря, колюшку и пузырячатые зеленые водоросли⁷.

Меня привязывают к неизвестным, позабытым Стюартам-Мюрреям спирали плоской, как ленточные черви, ДНК. Мы все, живые и мертвые (мертвых, кажется, больше), – светящаяся молекулярная звездная пыль, галактический мусор из бактерий и микробов. Наши вены – цвета дельфиниумов и люпинов, наша артериальная кровь – лихорадочный отвар давленных лепестков герани и оранжевых роз, разведенных плазмой, похожей на соплю, а...

– Ша! – говорит Нора. – Не болтай чепухи. В наших жилах течет кровь древних воинов, берсерков, завоевателей. А на вкус она отдает ржавым оружием и кованными монетами. Мы не из тех стойков, что перерезали себе хилые вены, похожие на тростинки, и тихо уплывали по ручью собственной крови. Мы надевали латы и рубили в капусту врагов.

Стюарты-Мюрреи, оказывается, были обоеруками (или двурушниками) – они боролись с англичанами, но и вставали с ними плечом к плечу на защиту империи и поддержку эксплуата-

играет с вопросом владения островом, который неоднократно поднимается в пьесе, и, в частности, с заявлением Калибана: «Ведь остров – мой: он матерью в наследство // Оставлен мне» (акт I, сц. 2; здесь и далее «Буря» цитируется по переводу Т. Щепкиной-Куперник, если не оговорено иное).

⁵ Популярный в Британии туристический маршрут между крайними точками острова: от мыса Лендс-Энд («Край Земли») на юго-западе до деревни Джон-О'Гроутс на северо-востоке.

⁶ Ср. Кор. I 15: 51–52: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся».

⁷ Двойная отсылка: к шекспировской «Буре» и к роману Чарльза Кингсли «Дети воды» (который будет еще упомянут позже и часто сам оперирует отсылками к «Буре»; см. примеч. к с. 260). В книге Кингсли утонувший мальчик превращается в «дита воды», «создание ростом четыре дюйма, с жабрами». В «Буре» морская трансформация описывается в знаменитой песенке Ариэля (акт I, сц. 2): Отец твой спит на дне морском. Кораллом стали кости в нем. Два перла там, где взор сиял. Он не исчез и не пропал, Но пышно, чудно превращен В сокровища морские он.

ции. Стюартов-Мюрреев водили в бой Брюс, Уоллес за собой⁸. Стюарты-Мюрреи участвовали в каждой потасовке, заварушке и стычке на протяжении всей кровавой истории Шотландии.

А где же теперь мои безрассудные предки? Нора говорит, что род оборвется дочерьми. То есть мной. Выходит, я – последняя дочь рода Стюартов-Мюрреев.

Я молодая женщина из плоти и крови, из конфет и пирожных, и сластей всевозможных, и из молекул, когда-то составлявших тела мертвецов. У меня тонкие кости – они легко ломаются и трескаются (и это меня огорчает)⁹. У меня ступни Норы – узкие в подъеме и широкие с той стороны, где пальцы. У меня ее любовь к сентиментальной музыке и ее ненависть к брюссельской капусте. Темпераментные волосы у меня тоже от матери – такие обычно встречаются в воображении художников, и когда их видишь на голове у живой женщины, это отчасти пугает. Норины волосы – цвета ядерных закатов и имбирной коврижки, в которую переложили пряностей. У меня, к сожалению, те же кудряшки в форме штопора больше похожи на клоунский парик, а цвет их тяготеет к морковному.

Мой родной язык тоже унаследован от матери – когда я была ребенком, мы жили так замкнуто, что я переняла ее акцент, хотя впервые попала к ней на родину, лишь когда мне исполнилось восемнадцать.

Некоторые люди всю жизнь проводят в поисках себя, хотя потерять себя, даже если очень постараться, не выйдет (вы только гляньте, я на этом паршивом островке уже превратилась в паршивого философа). С момента зачатия наше «я» – как узор у нас в крови. Оно впечатано в кости, словно окаменелости в приморский камень. Нора, напротив, не может понять, откуда люди сами знают, кто они, – ведь все молекулы, все клетки в человеческом теле успевают смениться несколько раз с момента рождения.

Иные утверждают, что человек – не более чем пучок сиюминутных впечатлений, другие – что он состоит исключительно из воспоминаний. Мое самое первое воспоминание – как я тону. Видимо, меня, как и мою мать, явно тянет к чернухе. Может быть, я живой пример переселения душ? Может, душа тонущей Эффи выскочила из тела и влетела в мое, новорожденное?

– Будем надеяться, что нет, – говорит Нора.

Память, конечно, ненадежна – она принадлежит не миру разума и логики, но миру снов и фотографий: оттуда тянешься Танталом к истине и реальности – не дотянуться, как ни старайся. Почему я знаю, – может, я выдумала то водяное воспоминание, бестелесное, как сама вода, или вспомнила кошмарный сон и приняла его за явь. Но разве не любой кошмар происходит наяву?

Прежде чем Нора поставила себе цель (стать куском пейзажа), она всегда была рассеянной и легко отвлекалась. Позабывтая дочь Мнемозины. Как еще объяснить то, что она забыла Стюартов-Мюрреев, а главное – ужасные обстоятельства моего рождения?

Мы идем вдоль утесов, на которых гнездятся тупики. Утесы отвесно уходят в холодное бурлящее море. У нас над головами хоровод пронзительно кричащих птиц – бакланы, кайры, олуши – выводит затейливые ауспиции, которые нам не прочесть.

Отсюда виден почти весь остров – большой дом, где мы живем, пустоши, заросшие папоротником, вереском и мокрым, пружинящим торфяным мхом, а за ними – более плодородные, покрытые желтеющей травой равнины, приют кроликов и диких кошек. Последние – чудовищно безобразный плод генетической изоляции, потомство всего одной пары сиамцев, привезенных сюда на каникулы какими-то давно забытыми Стюартами-Мюрреями. Ибо этот остров, если верить Норе, служил для наших предков местом отдыха.

⁸ Прочитирована шотландская народная песня в обработке Роберта Бёрнса, содержащая отсылки к историческим событиям (в частности, к битве при Бэннокбёрне, в которой шотландская армия разбила англичан и на несколько сот лет восстановила независимость своей страны). Много веков служила также государственным гимном Шотландии. Цитируется в переводе С. Маршака.

⁹ Английская народная детская песенка «О мальчиках и девочках» цитируется в переводе С. Маршака.

У меня нет оснований с ней спорить, хоть я и не могу понять, кому придет в голову отдыхать на этом богом забытом клочке суши. Я думаю, что даже в разгар лета здесь царит осеннее уныние. Зимой остров выглядит так, будто ноги человека здесь не было очень давно, а может, она сюда вообще не ступала. Нора говорит, что помнит, как проводила здесь лето – ныряя в озерца на скалах за мелкими бурыми крабами и серебристыми рыбешками, поедая припасы для пикника на продуваемых всеми ветрами газонах со скудной, просоленной морем травой.

Нора – женщина с прошлым, о котором она всегда решительно отказывалась говорить, и мне сейчас непередаваемо странно ее слушать. Для меня это гораздо мучительней, чем для нее, – ведь она все это годами носила у себя в голове, а для меня ее воспоминания – впервые распахнутый сундук ужасов и чудес.

Нора говорит, что мы должны закутаться в платки и пледы, как две мерзлячки-старушки, старые девы (Эвфимия и Элеонора), сидеть у камелька, в котором пылает плавающий, и сплетать словеса о былом. По ее словам, когда она поведает мне то, что должна поведать, ее рассказ покажется мне таким странным и трагичным, что я не поверю и сочту его плодом чересчур живого воображения¹⁰.

– Скорей, скорей, – торопит меня Нора. – Мы должны рассказать друг другу свои истории. Как ты начнешь? «Одинокий рыбак поутру, выйдя на лов селедки...»? А это будет правда? Или ты намерена сочинять по ходу дела?

– Выкинешь ли ты повседневную рутину – кипячение чайников, шум воды в унитазе, задерживание занавесок, телефонные звонки, сброшенные частицы отмершей кожи, рост ногтей и тому подобное, *ad nauseam*?¹¹ Неужели, – спрашивает Нора, – мы в самом деле хотим знать нудные подробности семейных ссор из-за кошки, газонокосилки, бутылки вина?

– Нам также не нужны, – говорит Нора, – приевшиеся рассказы о бунте домохозяйки и ее героических попытках построить новую жизнь с красивым новым любовником, прелестным ребенком и хеппи-эндом. Вместо этого нам нужны убийства и зверства, сюжеты внутри сюжетов – сумасшедшая на чердаке, кража бриллиантов, потерянные наследники, героические собаки-спасатели, капля секса и подозрение на философию.

Прекрасно. Я начну наугад. С того дня прошло чуть больше месяца (а кажется, что он был так давно!). Действие происходит зимой. Всегда зимой. Нора – подлинная королева зимы.

Место действия – город джута, джема и журналистики, родина комиксов про семейство Брун и ребят с Бэш-стрит¹². Здесь ходил в школу Уильям Уоллес¹³. Здесь находится питомник, где бережно возвращают молодое пополнение для шотландской прессы. Иными словами – Данди!

Данди. Далекий-далекий город в волшебной северной стране, к которой я принадлежу по крови, но не по воспитанию. «Север» – этот волшебный дорожный указатель сулит лед и эскимосов, белых медведей и полярное сияние. Данди, город улиц с удивительными именами: Земляничный Откос, переулок Первых Лучей Зари, Пастуший Заем, Лужайка Магдалинина Двора, Смоллзов проулок, улица Коричневого Констебля, Дорога Прелестного Склона.

¹⁰ Возможно, отсылка к шекспировской «Зимней сказке», к сцене, в которой Гермiona просит сына рассказать ей что-нибудь Мамиллий... Зиме подходит грустная. Я знаю Одну, про ведьм и духов. Гермiona Хорошо. Садись и расскажи как можно лучше, Чтоб маму небылицей напугать. (Акт II, сц. 1. Перев. В. Левика) Как и в «Зимней сказке», это метамомент: история, рассказанная одним из персонажей, это одновременно и история, в которой персонажи участвуют.

¹¹ До тошноты (*лат.*).

¹² «The Broons» – комикс о семействе Браун (Брун – шотландское произношение фамилии Браун), выходящий в газете *Sunday Post* с 1936 года. «The Bash Street Kids» – комикс, выходящий в журнале *Beano* с 1954 года.

¹³ Уильям Уоллес (1270–1305) – народный герой Шотландии, один из военачальников в войне за независимость от Англии.

Данди, построенный на застывшей магме и лаве давно погасшего вулкана, Данди с его ветхими домами из грязноватого песчаника, непостижимым акцентом жителей, отвратительной местной кухней и огромным небом над устьем реки. Прекрасный Данди, где великая река Тей расширяется и переходит в залив, неся с собой стаи лососей, сточные воды и атомы тех, кто нашел в воде свою смерть, – может, и Нориной сестры, красавицы Эффи: она утонула в день моего появления на свет, и река унесла ее по течению, как дохлую рыбу.

– Ну давай уже, – говорит Нора.

Chez Bob¹⁴

Утро понедельника и мои сны в неурочный час расколол дверной звонок – он вопил пронзительно, предвещая смерть, трагедию или внезапное большое наследство. Но это оказалось не то, не другое и не третье (во всяком случае, пока), а просто Терри. Было лишь семь утра – она, по всей вероятности, не то что встала в такую рань, а, наоборот, еще не ложилась.

Терри, маленькая и худая, была одета, как всегда, на манер безумной викторианской гувернантки. На щеках у нее играла бледность трехдневного трупa, а на глазах, несмотря на мрак неосвещенной лестницы, были темные очки *Wayfarer Ray-Ban*.

Хотя я уже открыла дверь, Терри не отпускала кнопку звонка – словно в момент, когда она звонила, ее сковало трупное окоченение. Я силой убрала ее палец, чуть не сломав его. Терри протянула ко мне руку ладонью вверх и скомандовала с лицом, лишенным всякого выражения, как у наемного убийцы:

– Твой реферат по Джордж Элиот.

– Или что? Смерть?

– Иди в жопу, – кратко ответствовала она и закурила сигарету на манер злодейки в фильме нуар.

Я захлопнула дверь у нее перед носом и вернулась в постель, к теплому, расслабленному телу Боба, с которым жила в нищете и убожестве в городской трущобе на Пейтонс-лейн, на чердаке дома, где когда-то обитал несправедливо презираемый, но благородный сердцем шотландский поэт Уильям Топаз Макгонагалл. Боб перевернулся на другой бок и пробормотал какую-то чепуху, как обычно во сне («Леопард опоздает на поезд!», «Надо найти ту редиску» и так далее)¹⁵.

Боб (известный некоторым как Волшебный Боб – непонятно почему: он никогда не проявлял ни малейшей склонности к магии) был чуждым иллюзионизму уроженцем Эссекса. Он родился и вырос в Илфорде, хотя говорить старался (когда помнил об этом) с монотонным, неопределенно северным акцентом, чтобы пользоваться большим авторитетом у дружков¹⁶.

Боб, как и я, был студентом в Университете Данди. Впрочем, он сам говорил, что на месте университетского начальства давно выгнал бы себя вшаей. Он очень редко сдавал рефераты, считал вопросом чести никогда не ходить на лекции, а вместо этого вел неспешную жизнь ночного зверя ленивца – курил травку, смотрел телевизор и слушал «цеппелинов» в наушниках.

Недавно Боб обнаружил, что в этом году оканчивает университет. Он уже дважды застревал на год на втором курсе – больше никому за всю историю университета это не удавалось – и почему-то очень долго полагал, что будет вечным студентом. Его заблуждение развеялось лишь недавно. Предполагалось, что Боб учится по двойной программе, на бакалавра по английскому языку и философии одновременно. Когда его спрашивали, какой диплом он собирается получить, он всегда отвечал: «Два бокала...вра!» – и приходил в восторг от собственного ост-

¹⁴ У Боба (*фр.*).

¹⁵ Уильям Топаз Макгонагалл (1825–1902) – шотландский поэт, прозванный самым худшим поэтом в истории человечества. В его стихах традиционно хромали размер и рифма. Макгонагалла иногда приглашали читать стихи на публику – мюзикхоллы преподносили его выступление как комический номер. Возможно, это упоминание должно подготовить нас к чепухе, произносимой во сне Бобом. Самое популярное стихотворение Макгонагалла, известное даже сегодня, – «Крушение моста через Тей» («The Tay Bridge Disaster»). В нем описываются события 28 декабря 1879 года, когда железнодорожный мост через реку Тей обрушился вместе с проезжающим по нему поездом. По последним данным, при этом погибло 75 человек (а не 90, как говорится в стихотворении). Следует обратить внимание на то, что загадочная женщина в конце книги бросается в воду именно с этого моста через Тей. Он неоднократно упоминается в романе (впервые – чуть дальше, когда Эффи, впустив Терри в квартиру, смотрит в окно).

¹⁶ Илфорд – один из ближних пригородов Лондона (15 км к северо-востоку от вокзала Чаринг-Кросс).

роумия. Его чувство юмора было воспитано на «Шоу дебилов»¹⁷ и отточено группой «Мартышки»¹⁸. Его кумиром был Микки Доленз – еще ранних времен, когда тот снимался в программе «Мальчик из цирка». Боб был совершенно незатейливой личностью. Кроме Доленза, он обожал комиксы про кота Фрица¹⁹. Его абсолютно не интересовало все, что требовало хотя бы минутной концентрации внимания. Политикой он тоже не интересовался, хотя на полке у него стояли три ни разу не раскрытых тома «Капитала». Боб был не в состоянии объяснить, откуда они взялись, хотя смутно помнил, что в молодости, посмотрев «Если...», записался в секту радикальных марксистов²⁰. Он был также подвержен обычным навязчивым идеям и заблуждениям, характерным для мальчиков его возраста, – например, клингоны для него были не менее реальны, чем французы и немцы, и уж намного реальнее, скажем, люксембуржцев²¹.

В дверь позвонили снова, уже не так настойчиво, и за дверью снова обнаружилась Терри.
– Впусти меня, – слабо сказала она. – Я, кажется, что-то себе отморозила.

Терри – маленькая принцесса с американского Среднего Запада, чирлидерша, пошедшая по кривой дорожке. Может быть, там, на родине, у нее когда-то были пышущие здоровьем деревенские кузены (хотя я скорее поверила бы, что она вылупилась из яйца в гнезде доисторической птицы), но они все либо умерли, либо порвали с ней всякую связь. Отец Терри, топ-менеджер с заводов Форда, приехав ненадолго поработать в Британию, определил Терри в английскую квакерскую школу-пансион и легкомысленно оставил там, а сам вернулся в Мичиган.

Терри меняла национальность, как хамелеон – цвет: ее предками были то итальянцы, то евреи, бежавшие от погромов, то русские, то кто-то откуда-то с Востока. Только я знала про обыденную смесь ирландских моряков, голландских молочников и бельгийских шахтеров, которые по странной генетической случайности породили девушку с внешностью экзотической гурии, загадочной одалиски из стихов По. Это была самая прекрасная дружба, это была самая злосчастная дружба²². Мы заменили друг другу сестер, которых у нас никогда не было. Я жалела Терри, которая так явно не принадлежала ко всему остальному человечеству. Иногда мне казалось, что моя роль в ее жизни – быть посредницей меж нею и живыми, словно я – подручный вампира.

Терри снимала нору на Клеггорт-стрит, но не любила там бывать. Унылая квартира без горячей воды годилась разве лишь на то, чтобы держать там гроб, наполненный землей. В приступе активности (каковые с Терри случались очень редко) она выкрасила всю квартиру в лиловый цвет. Этот декор никак не помогал развеять ее собственный душевный мрак. Зато Терри, в отличие от меня, выработала четкий план на всю оставшуюся жизнь: она собиралась

¹⁷ «Шоу дебилов» (The Goon Show) – британская комедийная радиопрограмма, первоначально демонстрировалась на британском телевидении в 1951–1960 годах. В ней участвовали в том числе Спайк Миллиган и Питер Селлерс.

¹⁸ «Мартышки» (The Monkees) – американский поп-рок-квартет, который записывался и выступал с концертами с 1966 по 1971 год и не раз воссоединялся начиная с конца 1980-х годов. Участники группы – Дейви Джонс, Майкл Несмит, Питер Торк и Микки Доленз – были впервые собраны вместе в 1965 году телеканалом Эн-би-си для съемок в одноименном телесериале о буднях современной рок-группы.

¹⁹ Истории о сексуальных похождениях антропоморфного кота Фрица выпускались мастером андерграундного комикса Робертом Крамбом (р. 1943) в журналах *Help!* и *Cavalier* с 1965 года. В 1972 году Ральф Бакши выпустил полнометражный мультфильм «Приключения кота Фрица», но Крамб был настолько недоволен экранизацией, что в том же году «убил» своего персонажа.

²⁰ «Если...» (If...) – драма режиссера Линдсея Андерсона с Малькольмом Макдауэлом в главной роли, выпущенная в 1968 году и посвященная жизни в британских частных школах. Фильм стал скандально известным благодаря сценам восстания в школе и ассоциируется с контркультурой 1960-х годов, поскольку был снят независимым режиссером во время парижских демонстраций в мае 1968 года.

²¹ Клингоны – вымышленная инопланетная цивилизация воинственных гуманоидов из научно-фантастической вселенной «Звездного пути» (Star Trek), созданной американским сценаристом и продюсером Джинном Родденберри (1921–1991).

²² Аллюзия на начало «Повести о двух городах» Чарльза Диккенса: «Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время...» (перев. С. Боброва).

найти очень старого и очень богатого мужа и «затрахать его до смерти». Она не первая, кому такое приходило в голову, но я сомневалась, что в Данди найдется подходящий кандидат.

Я принялась шарить в темноте, ища свечку. На дворе стояла зима междоусобий, шахтерских забастовок и «трехдневных недель», а это значило, что света сегодня не будет²³. Умей я думать на шаг вперед (я боялась, что никогда этому не научусь), я бы давно уже купила фонарик. Еще я бы купила термос. И грелку. И батарейки. Интересно, сколько еще понадобится «трехдневных недель», чтобы цивилизация пришла в упадок? Впрочем, для одних людей этот момент наверняка наступит раньше, чем для других.

Из окна я видела залив, а за ним – Файф, где свет был. Дома Ньюпорта и Уормита были усажены бодрими огоньками, и люди – более организованные, чем мы, – деловито выходили на улицу, спеша начать новый день. Будь сейчас светло, нам открылся бы великолепный вид на железнодорожный мост с идущими по нему поездами – черное кружево, изогнутое ленивой дугой через Тей, который иногда серебрился, чаще – нет, а сейчас, в едва брезжащем свете зари, походил на текущую мимо полосу смолы.

Боб все еще крепко спал. В эти ночеподобные сонные дни он бодрствовал еще меньше обычного.

– Бабочка забрала хлопья! – громко предупредил нас Боб, странствующий во сне.

– Никак не могу понять, что ты в нем нашла, – сказала Терри.

– Я тоже, – мрачно ответила я.

Меня точно привлекла не его внешность – с виду он ничем не выделялся из толпы: усы как у Сапаты, золотая серьга в ухе, сальные локоны «кавалера»²⁴, спадающие на сутулые плечи. Похож он был, пожалуй, разве что на бродягу – это впечатление усиливалось из-за поношенных армейских ботинок и шинели военного летчика, в которых он обычно ходил.

Боб недавно открыл для себя смысл жизни, и это открытие, по-видимому, абсолютно никак не повлияло на его ежедневное существование.

Я познакомилась с Бобом в первую неделю своего пребывания в университете. Мне было уже целых восемнадцать лет. Мне казалось, что мое лицо начинает принимать особое библиотечарское выражение, и я боялась, что останусь на всю жизнь одна и буду вечно блуждать по пустыне, уготованной старым девам. В то утро я твердо решила потерять невинность, и по чистой случайности Боб был первым, кто встретился мне после этого.

Мы познакомились, когда он меня переехал. Он был на велосипеде, а я – на мостовой; вероятно, из этого можно понять, кто виноват. Я сломала запястье (точнее, Боб мне его сломал), и восхитительное стечение обстоятельств – драма, кровь и кареглазый мужчина – убедило меня, что судьба сказала свое слово и я обязана прислушаться.

Боб сбил меня, потому что вильнул, объезжая собаку. Человек, готовый сбить женщину, чтобы спасти собаку, вошел в мою жизнь, пока я лежала на мостовой: он склонился надо мной, уставился на меня в изумлении, будто сроду не видел женщин, и произнес: «Вот же блин».

Собака вышла из этой переделки невредимой, хоть и слегка удивленной, и была возвращена слезоточащему хозяину. Боб поехал вместе со мной в «скорой помощи» в Королевскую больницу, и его пришлось держать – он рвался надышаться веселящим газом.

²³ В связи с забастовками на угольных шахтах в 1970–1974 годах в Британии был введен ряд мер для жесткой экономии электроэнергии (в том числе «трехдневные недели», во время которых электричество подавалось в жилые кварталы и на производство только три дня в неделю). Зимой 1978 года, которая выдалась самой холодной за 16 лет (что дополнительно обострило ситуацию в экономике), забастовки охватили большую часть страны. В итоге к власти пришли консерваторы во главе с Маргарет Тэтчер и было принято антипрофсоюзное законодательство, прекратившее выступления рабочих. Название «Зима междоусобий» взято из первых строк пьесы У. Шекспира «Ричард III»: «Прошла зима междоусобий наших; // Под солнцем Йорка лето расцвело...» (цитируется по переводу А. В. Дружинина с минимальными изменениями).

²⁴ «Кавалеры» – английские роялисты, сторонники Карла I в ходе английской гражданской войны (1642–1646), носившие длинные волосы (в отличие от их выступавших за парламент противников, так называемых круглоголовых, которые коротко стриглись).

Терри наконец сняла темные очки (после того, как споткнулась о ботинки Боба, неосторожно брошенные на пути). Сосуществование с Бобом имело массу недостатков, и не последним из них была его способность создавать неописуемое количество самовоспроизводящегося хаоса, который постоянно грозил его поглотить.

Поскольку света не было и еды в доме – тоже, мы устроили воображаемый завтрак. Терри выбрала горячий шоколад и гренки с корицей, а я – «Домашний чай» из лавки Брэйтуэйта с хорошо пропеченной белой булочкой от Катберта – снаружи хрустящая темная корка, внутри воздушный белый мякиш. Но мы остались голодными – словами ведь не наешься.

– Ну что ж, раз мы не спим в такую рань, то хотя бы успеем к Арчи на семинар, – сказала я без особого энтузиазма, но тут заметила, что Терри уснула.

Ей следует побережиться – она как раз из тех людей, с пониженным метаболизмом, которых часто хоронят заживо в семейных склепах и стеклянных гробах. В некоторых аспектах (не во всех) Терри стала бы идеальной женой для Боба: они просто проспали бы всю свою супружескую жизнь. Рип ван Винкль и великая княжна Анестезия, потерянная сонная наследница династии Романовых.

Я слегка ущипнула Терри и сказала: «Ты же знаешь, нам нельзя...», но тут сонное колдовство одолело и меня.

Иногда мне кажется, что мы все, неведомо для себя, участвуем в клинических испытаниях препарата с действием, обратным действию спидов. Наверно, его можно было бы выпустить на рынок под названием «медляк»²⁵. Может, потому у меня и возникло ощущение, что за мной наблюдают: это замаскированный лаборант изучает воздействие медляка на ничего не подозревающую лабораторную мышку. Потому что я точно знала: за мной следят. («Ты же помнишь пословицу, – сказал однажды Боб, неудачно пытаюсь меня успокоить, – если вы параноик, это еще не значит, что за вами не охотятся».)

Уже несколько дней я ощущала на себе взгляд невидимого наблюдателя. Чувствовала, что по моим следам неотступно и неслышно бегут ищейки. Я надеялась, что это лишь фантом чересчур развитого воображения, а не начало параноидального нервного срыва и галлюцинаций, которые приведут меня в запертую палату в местной психиатрической больнице, расположенной в деревне под названием Лифф. («Ешь больше колес», – посоветовал мне Шуг, приятель Боба.)

Я вздрогнула и проснулась. Моя голова неудобно лежала на краю Витгенштейнова «Трактата», и угол книги больно врезался мне в щеку²⁶. Терри поскуливала – опять во сне гоняет кроликов.

Я растолкала ее:

– Пойдем, а то опоздаем.

Недавно я твердо решила – понимая, что на последнем курсе давать себе такие обещания поздно, – ходить на все положенные лекции, коллоквиумы и семинары. Это была безнадёжная попытка втереться в милость к преподавателям – как можно большему количеству преподавателей кафедры английского языка: я настолько выбилась из графика со всеми заданиями, что вряд ли меня даже допустят к итоговому экзамену, а уж вероятность того, что я его сдам, и вовсе стремится к нулю. Я не понимала, как это у меня получилось так отстать, особенно когда я изо всех сил старалась успевать к сроку.

²⁵ Спи́ды, спид (*англ.* speed – скорость) – разговорное название амфетаминов, стимуляторов центральной нервной системы.

²⁶ «Логико-философский трактат» – написанная во время Первой мировой войны и выпущенная в 1921 году основная работа австрийского мыслителя Людвиг Витгенштейна (1889–1951), представителя аналитической философии; одно из самых влиятельных философских сочинений XX века.

Терри отстала еще больше, чем я (если такое вообще возможно). Реферат о Джордж Элиот («„Мидлмарч» – сокровищница деталей, но как целое не особо интересен» – можно ли опровергнуть это критическое высказывание Генри Джеймса?») был лишь одним из многочисленных заданий, которые мы умудрились не выполнить.

Я собиралась будто на Северный полюс, напяливая на себя все, что под руку попадет, – шерстяные колготки, длинное вельветовое платье-сарафан, несколько бракованных мужских свитеров для гольфа, купленных на распродаже в магазине шерстяных изделий, шарф, перчатки, вязаную шапку и, наконец, старое суконное пальто, приобретенное за десять шиллингов в лавке старьевщика в Западном порту. Оно до сих пор сохраняло утешительный старушечий запах фиалковых пастилок и камфоры.

– Онтологическое доказательство! – загадочно выкрикнул Боб во сне. Наяву он даже под страхом смерти не смог бы сказать, что это означает.

Терри поморщилась, вернула на место темные очки и натянула черный берет – теперь она походила на безумную гувернантку, ушедшую в сельву к партизанам. Девушка-синоптик²⁷.

– Вперед, – сказала она, и нас, как током, тряхнуло утренним холодом.

Воздух был хрусток от мороза, и дыхание вырывалось белыми клубами – словно пузыри с репликами героев в комиксе. Мы протащились по Пейтонс-лейн и свернули на Перт-роуд, и все это время невидимые бдительные глаза сверлили нам спину.

– Может, это Божье Око, – сказала Терри.

Я предположила, что у Бога, если он вообще существует (что маловероятно), найдутся дела поинтересней, чем следить за мной.

– А может, и нет, – сказала Терри. – Может, он такой... совсем обычный чувак. Кто знает? Действительно – кто?

²⁷ Синоптики (Weathermen) – леворадикальная боевая организация, действовавшая в США в 1969–1977 годах. Была сформирована из радикального крыла движения «Студенты за демократическое общество» (SDS), выступавшего против войны во Вьетнаме. Название организации происходит от фразы «You don't need a weatherman to know which way the wind blows» («Вам не нужен синоптик, чтобы узнать, куда дует ветер») из песни «Subterranean Homesick Blues» Боба Дилана с его одноименного альбома 1965 года.

Искусство структуралистской критики

– Бу-бу-бу, бу-бу-бу, – бубнил Арчи. Во всяком случае, выходило что-то близкое к этому.

Дело происходило в десять минут двенадцатого на семинаре Арчи Маккью на третьем этаже пристройки к сооружению шестидесятых годов – взмывающей ввысь башне Роберта Мэтьюза. Она называлась Башней королевы, хотя было чрезвычайно маловероятно, что в этой башне когда-нибудь поселится какая-нибудь королева. Мрачная атмосфера была еще мрачней из-за отсутствия света. На окне, будто некий условный знак, горела свеча, воткнутая в бутылку из-под вина «Синяя монахиня». Отопление в университете не отключали, хотя никто не знал, как университетскому начальству удавалось этого добиться. Может, в печах жгли книги, а может (что гораздо вероятней), студентов. В комнате было жарко и душно, и я начала по одному стягивать с себя бракованные свитера для гольфа.

Арчи говорил. Когда Арчи говорит, его совершенно невозможно остановить, – пожалуй, его не остановит даже смерть: он будет что-то бормотать из-под крышки гроба, но в конце концов черви устанут от шума и выедят ему язык...

– Когда слова больше не стремятся к мимезису, они теряют свое место и связь друг с другом. Они сами по себе иллюстрируют истощение формы. Писатели, избегающие мимезиса, ищущие новых подходов к беллетристическому конструкту, называются дисруптивистами – они оспаривают то, что Роб-Грийе²⁸ называл «осмыслемостью мира».

Арчи сделал паузу.

– Есть комментарии по этому поводу? Кто-нибудь хочет высказаться?

Ответа не было. Никто из собравшихся понятия не имел, о чем говорит Арчи.

Пухлое тело Арчи стремилось вырваться из пут темно-зеленой полиэстеровой рубашки, у которой под мышками расплылись большие мокрые треугольники. Кроме рубашки, на Арчи были коричневые брюки и бежевый вязаный галстук, украшенный пятнами другого рода – возможно, от засохшего желтка всмятку или от заварного крема.

Он крутанулся в начальственном кресле с твидовой обивкой. Его кресло было гораздо удобней, чем у нас, – мы сидели на стульях с прикрепленными к ним маленькими столиками из пластика под дерево. Казалось, эти подносики призваны удерживать нас на местах – нечто среднее между высоким детским стульчиком и смиренной рубахой. Сами стулья тоже были из какого-то пластика – жесткого, серого; судя по всему, университет питал к нему нездоровое пристрастие. На таком стуле при всем желании не высидишь спокойно больше десяти минут. Арчи же, напротив, был ничем не скован и мог крутиться и вращаться на своем начальственном троне во всех направлениях, разъезжая на колесиках, словно на аттракционе «Волшебные чашки».

– Центральное место начинает занимать сам акт письма, так как автор больше не пытается опираться на некое априорное значение или истину. Жак Деррида²⁹ еще сильнее подкрепляет эту идею тем, что...

Арчи Маккью был пламенным марксистом и утверждал, что его отец работал на верфи в Глазго. На самом деле его вырастила мать-вдова, которая держала конфетную лавку в Ларгсе.

²⁸ Роб-Грийе, Ален (1922–2008) – французский писатель, сценарист и кинорежиссер, основной идеолог «нового романа» (цикл эссе «За новый роман», 1955–1956). Главные произведения: «Соглядатай» (1953), «В лабиринте» (1959), «Проект революции в Нью-Йорке» (1970), автобиографическая трилогия «Возвращающееся зеркало» (1985), «Анжелика, или Ворожба» (1988), «Последние дни Коринфа» (1994). Как сценарист известен в первую очередь сценарием фильма Алена Рене «Прошлым летом в Мариенбаде» (1961).

²⁹ Жак Деррида (1930–2004) – французский философ и теоретик литературы, создатель концепции деконструкции, основные положения которой содержатся в его работе «О грамматологии» (1967); полемизировал и с феноменологами, и со структуралистами, критикуя их за логоцентризм.

Сейчас эта многострадальная женщина, по выражению Арчи, «поехала крышей», и потому ее недавно перевезли через реку в Ньюпорт-на-Тее, в дом престарелых под названием «Якорная стоянка»³⁰, «с видом на воду».

– *Валери*³¹ утверждает, что литература является своего рода расширением и применением определенных свойств языка и ничем другим быть не может...

Арчи жил в большом доме на Виндзор-плейс с Филиппой, властной женой-англичанкой. Я это знала, поскольку оказалась последней в длинной череде нянек, перебивавших у Маккью. Филиппа и Арчи, которым было уже под пятьдесят, размножались (с перерывами) с самого конца войны. Четверо детей уже выпорхнули из гнезда – Криспин («Кембридж!»), Орсино («Оксфорд!»), Фрейя («Год во Франции!») и старший, загадочный Фердинанд («Соутонская тюрьма, к сожалению»). Дома остался только один ребенок, девятилетняя Мейзи («Маленькая ошибка!»).

– ...и в своей мультиплицичности и плюральности требует новой герменевтики...³²

Число слушателей Арчи все время сокращалось. Сейчас нас было четверо – я, Терри, Андреа и Оливия. Андреа происходила из среднего класса и была родом откуда-то из Йоркшира, где окончила гимназию. Сегодня от нее пахло пачулями. Она была одета в летящее цветастое платье – сплошные пуговики, бантики и сложные швы на корсаже. Казалось, его сшили для любительской постановки мюзикла «Оклахома!».

Андреа недавно перешла из лона Шотландской церкви в язычество и собиралась стать ведьмой. С этой целью она устроилась подмастерьем к колдуну в Форфаре. Ничто не пугало меня так, как мысль об Андреа, у которой в руках магические силы. Поймите меня правильно, я ничего не имею против магов. Моя собственная мать – магиня... магесса... кажется, у этого слова нету женской формы. Может, пора мне уже изобретать собственные слова. Почему бы и нет? Откуда иначе взяться новым?

Андреа рассказывала, что решила стать знаменитой писательницей и для этого окончила вечерние курсы машинописи и стенографии. Курсы располагались на Юнион-стрит, и вел их человек, которого явно больше интересовали обтянутые свитером груди студенток, чем степень их владения скорописью Питмана. До сих пор Андреа выжимала из себя только жалкие рассказы про девушку по имени Антея, которая приехала из Норталлертона и изучает английскую литературу в университете. Самый интересный рассказ описывал странное столкновение сексуального характера между ее альтер эго Антеей и преподавателем в секретарском колледже. Я решила, что «Авантюра Антеи» – хорошее название для английского порнографического фильма: такого, в котором много намеков и мойщиков окон, но мало собственно секса.

Антея все время остро переживала из-за самых обыденных дел вроде посещения лекций, обнаруженных в доме пауков, покупки линованной бумаги с полями для конспектов. Лично я думаю, что читать о подробностях чужого быта – так же нудно, как слушать рассказы о чужих снах: «...а потом автопогрузчик превратился в огромную рыжую белку, и она раздавила голову моего отца, как орех...»³³ Чрезвычайно интересно для самого сновидца, но утомительно для постороннего слушателя.

Сам Арчи, конечно, писал роман и раззвонил об этом всем. Его экспериментальный эпический труд уже достиг объема в семьсот страниц. По слухам (своими глазами роман, кажется,

³⁰ В оригинале *anchorage* («постановка на якорь») – постструктуралистский термин, введенный Роланом Бартом.

³¹ *Валери*, Поль (Амбруаз Поль Туссен Жюль Валери, 1871–1945) – французский поэт, эссеист, философ, теоретик литературы.

³² В классическом понимании герменевтика – это искусство толкования, теория интерпретации текстов (священных, древних и т. д.); здесь имеется в виду направление в философии XX века, выросшее из теории интерпретации литературных текстов.

³³ Перекликается с известной фразой А. Ахматовой (процитированной, например, в воспоминаниях А. Наймана): «Нет ничего скучнее чужого блуда и чужих снов».

не видел никто), он представлял собой пронизанный ангстом³⁴ запутанный лабиринт прозы, описывающий метафизический штурм-унд-дранг³⁵ авторского «я»³⁶. Назывался роман «Расширение призмы Дж.».

– ...метод, который можно считать эмблематичным в отношении эссенциальной произвольности всех лингвистических десигнатов...

Оливия вежливо подавила зевок. Светловолосая, высокая и гибкая дочь врача из Эдинбурга, она окончила школу Святого Георгия для девочек. Способная и методичная студентка, Оливия каждый вечер переписывала свои конспекты и подчеркивала все важное чернилами трех разных цветов. Она явно была не на месте в Университете Данди – ей следовало пойти в Сент-Эндрюсский университет, Уорикский или даже Университет Восточной Англии, но во время единых государственных экзаменов с ней приключилось «что-то вроде нервного срыва», и в результате она сдала на одни «Е» вместо «А»³⁷.

Весь этот год Оливия встречалась с преподавателем с кафедры политологии. Его звали Роджер Озер (а называли обычно Роджер-Чмоджер), и он вечно гнался за модой и старался отвисать со студентами. У него были жена Шейла и стайка мелких блондинистых дочек (совсем как у Геббельса, сказала Терри) в возрасте от почти нуля до девяти лет.

Секс между преподавателями и студентами в нашем университете не был редкостью, однако ректор его запрещал и смотрел на него косо. Роджер Озер безумно боялся огласки, и по его настоянию они с Оливией вели себя как рыцари плаща и кинжала, выходя из зданий поодиночке и игнорируя друг друга на публике (а иногда, по словам Оливии, и наедине). Из любовниц Роджера Озера вышли бы отличные тайные агенты.

Терри сидела рядом со мной, в соседнем стуле-капкане. Она уже впала в анабиоз – НАСА вполне могло бы использовать ее для освоения космоса. Послать ее в дальние уголки Вселенной, куда можно долететь лишь за несколько десятков лет, и она прибудет такой же свеженькой, как при старте. Хотя нет, лучше не надо, чтобы инопланетные цивилизации судили о землянах по Терри.

– Деррида говорит, я цитирую, – продолжал бубнить Арчи, – «именно когда написанное умирает как десигнат, оно рождается как язык». Вопросы, замечания?

Его слова на миг зависли в спертом воздухе, а потом запорхали по комнате, ища, куда бы приземлиться. Кевин, который в этот момент неохотно протискивался в дверь, ловко присел и увернулся от них.

– Спасибо, что выкроили время к нам присоединиться, – сказал Арчи, и Кевин покраснел и пробормотал что-то невнятное.

Из-за густого акцента юго-западных графств все, что он говорил, звучало либо неопределенно-пошлово, либо очень глупо. Как и многие другие студенты факультета гуманитарных и общественных наук, Кевин Райли попал в Университет Данди не за хорошие оценки, а трудами Объединенной приемной комиссии британских университетов – того ее отделения, которое пристраивало никому не нужных студентов. Ибо, к сожалению, больше ни один университет на нас не позарился.

Кевин был пухлый юноша с кожей цвета молочной сыворотки и огромным вороньим гнездом курчавых волос – английский вариант афро. На носу у него сидели маленькие круглые

³⁴ Angst (нем.) – страх.

³⁵ Sturm und Drang (нем.) – буря и натиск. Также название литературного движения XVIII века в Германии.

³⁶ Angst (нем.) – страх. В философской литературе обычно употребляется в значении экзистенциальной тревоги, неопределенного страха перед существованием.

³⁷ То есть попала в процентную группу, хуже которой экзамен сдали только 30 % всех экзаменуемых. Оценки на государственных экзаменах в Британии в описываемую эпоху выставлялись следующим образом: экзаменуемые, результаты которых относились к 10 % лучших, получали «А», следующие 15 % – «В», следующие 10 % – «С», следующие 15 % – «D», следующие 20 % – «Е», следующие 20 % – «О» (удовлетворительный уровень), и, наконец, 10 % экзаменуемых, показавших самые худшие результаты, считались несдавшими. В 1980-х годах система оценок была изменена.

очочки. Созвездие прыщей на подбородке он тщетно замазывал маскирующим карандашом фирмы «Риммель» персикового цвета. Судя по всему, другие (более сильные) представители сильного пола в детстве не снисходили до игр с Кевином, и он рос в одиночестве, играя с конструкторами и электрической железной дорогой, перекладывая марки разных стран в класстерах, стоя на продуваемом сквозняками перроне с фляжкой чая и линованным блокнотиком.

Но эти мальчишеско-аутичные развлечения сменила страсть к писательству, самый подходящий недуг для солипсизма. В некий момент своей мучительной юности Кевин создал себе альтернативную вселенную – нечто вроде подземного Средиземья в ином мире. Страна эта называлась Эдраконией. Оттуда была изгнана королева драконов Феуриллия (которая почему-то напоминала мне Нору). Весь сюжет можно было изложить в одной фразе: «Ибо Сумрак воистину падет на землю, и Зверь Гриддлбарт будет рыскать по ней, и драконы обратятся в бегство».

Кевин втиснул объемистое шмелиное тело в стул и попытался устроиться поудобнее. Отдельные фрагменты пухлой плоти выпирали по сторонам сиденья. Чтобы взбодриться, он вытащил мятый пакетик лимонных леденцов и пустил его по кругу. Андреа в ужасе отпрянула – она была из тех девушек, которые не считают пищу обязательной для существования и боятся всего, что калорийней клубничного йогурта.

Вопрос, который все это время неуверенно порхал в воздухе, наконец определился и презрел Кевина ради стройных прелестей Андреа, на которую и приземлился, как неприятное насекомое.

– Андреа? – подбодрил ее Арчи. – Деррида? – [Да, такую рифму не во всяком словаре рифм найдешь.] – Какие-нибудь соображения?

Соображений у Андреа, очевидно, не было никаких, поскольку она лишь многообещающе пожевала кончик перьевой ручки, приподняла подол своего наряда в стиле вестерн и медленно скрестила ноги. Андреа уже подробно распланировала всю свою будущую жизнь – она собиралась окончить университет, выйти замуж, ничего не покупать в рассрочку, воспитывать детей, стать знаменитой писательницей, выйти на пенсию и умереть. Она, кажется, понятия не имела, что жизнь нельзя разложить по порядку, словно карандаши в пенале; что все подвластно случаю и в любой момент может произойти нечто удивительное и неподконтрольное нам – оно изорвет наши карты и перемагнитит стрелку компаса: вот в нашу сторону направляется безумная женщина, поезд падает с моста, парень едет на велосипеде.

Арчи, все еще замороженный зрелищем коленок Андреа – бог знает, что еще она ему показала украдкой, – кажется, на миг потерял нить рассуждений. Мы все ждали, пока он снова нашарит клубок в лабиринте. Ни у кого из участников семинара не было соображений решительно ни по какому поводу – в отличие от Арчи, у которого были соображения обо всем. Мы все обрадовались, когда он забубнил снова, избавляя нас от докучной необходимости думать самостоятельно:

– ...высказанное рядом критиков-структуралистов, что лишь в момент, когда написанное слово в литературе перестает указывать на «объективные» внешние данные, то есть на обозначаемое им в реальном мире, оно начинает существовать как язык внутри текста...

Оливия задумчиво жевала прядь своих длинных светлых волос, – впрочем, вряд ли она думала о чем-то из речей Арчи. Кевин, которого вид Оливии повергал в мучительный экстаз, агрессивно пялился на ее ступни – единственную часть ее тела, на которую он мог смотреть не краснея. Оливия одевалась, как обнищавшая средневековая принцесса, – сегодня на ней была жакетка из жатого бархата поверх поношенной атласной ночной сорочки и красные кожаные сапожки до колен (мечта фетишиста).

Оливия однажды мягко сказала Арчи, что препарировать книги, словно трупы, не стоит, поскольку потом не удастся привести их в прежний вид. «Вскройте жаворонка и все такое...»³⁸ Арчи обдал ее презрением и заявил, что следующий, кто процитирует Эмили Дикинсон у него на семинаре, будет выведен на внутренний дворик и подвергнут прилюдной порке. («Сурово, но справедливо», – заметила Андреа.)

– *Новая литература напоминает нам о том, – продолжал квакать Арчи, – что знакам языка достаточно относиться лишь к воображаемым конструктам – но, может быть, лишь к ним они и относятся, поскольку возможно, что в задачи литературы не входит осмысление окружающего мира...*

Мы все были заикленными на себе гедонистами – странными, перекошенными людьми, нечетко очерченными из-за недостатка твердых убеждений и мнений. Вероятно, высочайшим достижением для каждого из нас было поутру встать с кровати. Мы потеряли одного из участников группы – Безымянного Юношу, хрупкого и бледного мальчика из Вестер-Росса³⁹. Мы прозвали его так, потому что, как ни пытались, не могли запомнить его имени. Конечно, он не облегчал нам задачу, поскольку неизменно представлялся следующим образом: «Я никто, а ты кто?»⁴⁰

Я знала, что у него какое-то совсем обыкновенное имя – Питер или Пол, – но точнее вспомнить не могла. Будто его окутывало странное экзистенциальное проклятие. Словно какой-нибудь маг-недоучка упражнялся с волшебной книгой («Сие есть весьма хорошее заклинание для исчезновения»). Интересно, думала я, что случается с человеком, которого нельзя назвать по имени? Он теряет свое «я»? Забывает, кто он?

Сперва это проявлялось лишь в некотором мерцании контуров, размытости, но скоро юноша стерся почти совсем – от него осталось только дуновение воздуха. Лишь изредка свет, падая под определенным углом, открывал взору эктоплазмическую форму, напоминающую полусваренный-полусырой белок яйца пашот. А вдруг, вспомнив имя мальчика, мы сможем наколдовать его обратно?

– Может, ему просто все осточертело и он уехал обратно в Вестер-Росс? – предположила Андреа, когда он исчез окончательно.

До исчезновения Безымянный Юноша неустанно трудился над рукописью (в самом деле написанной от руки, со множеством зачеркиваний и перечеркиваний), которая, как выяснилось, повествовала о захвате Земли пришельцами с планеты Тара-Зантия (или что-то в этом роде – какое-то характерно дилетантское название). Пришельцы ввели на Земле новый экономический строй, основанный на домашних кошках и собаках. Принцип был прост: чем больше у человека кошек и собак, тем он богаче. Породистые животные были чем-то вроде сверхвалюты, а подпольные фермы по разведению щенков – основой черного рынка.

Эта писательская лихорадка (воистину род недуга) была во многом спровоцирована прошлогодним нововведением, так называемой дипломной работой по писательскому мастерству: отныне студенты могли сдавать в качестве дипломной работы свои литературные творения. Арчи активно выступал «за», считая, что это выдвинет кафедру английского языка на передовые позиции, чего ей столь явно не хватало. Множество студентов с энтузиазмом записались на курс творческого мастерства – не потому, что хотели стать писателями, а потому, что в этом случае сдача диплома не сопровождалась экзаменом*.⁴¹

³⁸ Отсылка к стихотворению Эмили Дикинсон: «Вскройте жаворонка! Там музыка скрыта...» (перев. В. Марковой, И. Лихачева).

³⁹ *Вестер-Росс* – область на северо-западе Шотландии.

⁴⁰ Отсылка к стихотворению Эмили Дикинсон: «Я – Никто. А ты – ты кто?» (перев. В. Марковой).

⁴¹ Для выполнения требований этого курса вы должны посещать один семинар в неделю и два индивидуальных занятия с преподавателем каждый семестр. Курсовая работа состоит из одного задания и заключается в создании текста, который должен представлять собой вашу личную оригинальную работу – пьесу, новеллу, сборник рассказов, первые пять глав романа,

В то время Марта Сьюэлл еще не появилась, и занятия по писательскому мастерству вел Арчи. Он обозвал историю про таразантыйцев «убогой херней», и Безымянный Юноша, сгорая от стыда, выбежал из аудитории. Ему всегда было трудно занимать место в трех измерениях сразу, но именно с этого дня он начал истончаться и таять.

Арчи катался на кресле по комнате, как стеклышко по планшетке для спиритических сеансов, и внезапно остановился перед Кевином. Он посмотрел на Кевина мутным взглядом, словно пытаясь понять, где же видел его раньше, и вдруг задал непостижный уму вопрос о концепции гегемонии по Грамши⁴². Кевин ерзал на стуле, но не мог отвести глаз от семимильных сапог Оливии. В спертom воздухе аудитории он вспотел, и слой грима у него на подбородке приобрел странную консистенцию – со стороны это выглядело так, словно у него плавится и сползает кожа.

От Грамши Кевина спас старый профессор Кузенс, именно в этот миг забредший к нам в аудиторию. Он увидел Арчи и явно растерялся.

– Вы что-то ищете? – невежливо спросил Арчи и себе под нос добавил: – Например, собственные мозги?

Профессор Кузенс явно удивился еще больше.

– Не знаю, как я сюда попал, – засмеялся он. – Я искал туалет.

– И нашел, – пробормотала Терри, не открывая рта и даже не просыпаясь.

Профессор Кузенс – англичанин, дружелюбный и эксцентричный, – явно делал первые шаги по направлению к старческому маразму. Иногда он мыслил вполне ясно, иногда – нет, и различить у него (как и у любого другого сотрудника факультета) эти два состояния было порой нелегко. Университетский устав весьма ревностно охранял профессоров на постоянной ставке: чтобы потеснить такого преподавателя с рабочего места, нужно было дожидаться, пока пройдет три месяца после его смерти. Корона еще кое-как держалась на голове у профессора Кузенса, но преподавательский состав уже вел за нее (корону, не голову) кровопролитную войну. В шлакобетонных стенах постройки шестидесятых годов отдавались эхом махинации, интриги, заговоры и контрзаговоры – это бились претенденты на освобождающийся трон.

Неестественный отбор уже позаботился об устранении одного из главных претендентов. Склонность сотрудников кафедры английского языка к несчастным случаям вошла в легенду, и фаворит нынешней гонки – осанистый канадец по имени Кристофер Пайк, похожий на государственного мужа⁴³, – вышел из игры, загадочным образом сверзившись с лестницы в Башне. Сейчас он лежал на сложном вытяжении в мужской палате ортопедического отделения Королевской больницы Данди, а кафедра английского языка наблюдала ожесточенные боевые действия между Арчи и двумя его основными конкурентами – доктором Херром и Мэгги Маккензи.

– Н-ну... – произнес профессор Кузенс, почесывая нос и поправляя очки, – н-ну... н-ну...

Его почти лысая голова была покрыта старческими пятнами; от волос осталась только бледная кромка, похожая на тонзуру монаха или на призрачный атолл. Профессор напоминал мне старое животное – пожилую ломовую лошадь или страдающего артритом датского дога. Мне очень захотелось погладить его по веснушчатой лысине и нашарить в кармане яблоко или собачью галету.

сборник стихов или иное произведение по согласованию с преподавателем, ведущим курс.

⁴² Антонио Грамши (1891–1937) – итальянский философ-марксист, политик, основатель и руководитель Итальянской коммунистической партии. Разрабатывал теорию гегемонии (позаимствовав термин из дискуссии русских социал-демократов Плеханова и Аксельрода), согласно которой господство того или иного класса основано не только на принуждении (доминировании), но и на идеологическом лидерстве (гегемонии).

⁴³ Возможно, намек на популярного американского писателя с тем же именем, автора триллеров и романов ужасов для детей и подростков.

Вдруг, завидев рядом со мной пустой стул, профессор прошаркал туда и сел, втиснувшись, как мешок костей, за маленький деревянный столик. Оттуда он благосклонно улыбнулся всем нам и поднял руку приветственным жестом папы римского.

– Продолжайте-продолжайте, – сказал он Арчи. – Я вам не помешаю.

Было очень заметно, что Арчи пытается понять, как реагировать на это странное явление. В конце концов он решил сделать вид, что ничего не происходит, и понесся дальше:

– *Утверждая себя как литературную работу, немиметический роман занимает положение, позволяющее опровергнуть как эстетику молчания, описанную Зонтаг⁴⁴, так и предписание формальной регенерации Джона Барта⁴⁵. Какие будут соображения?*

– Я, во всяком случае, ничего не понял! – засмеялся профессор Кузенс.

Арчи пронзил его взглядом. Профессор Кузенс был специалистом по Шекспиру, и подход Арчи к литературе был для него несколько туманен. Как и для всех нас.

Мы безмолвно перекидывали новый вопрос друг другу по комнате, в которой становилось все жарче и душней. Каждый находил себе какое-нибудь занятие – я смотрела в окно с третьего этажа, словно как раз увидела там нечто безумно интересное (так оно и было, но об этом позже), Кевин пялился на ноги Оливии, складывая рот, похожий на раздутую ветром пышную розу, в немые рыбы знаки отчаяния, а сама Оливия изучала один за другим свои ногти. Что до Андреа – я сначала решила, что она читает заклинание, дабы отпугнуть Арчи, но потом поняла, что она всего лишь напевает под сурдинку песню Кросби, Стила, Нэша и Янга (что, впрочем, должно было подействовать точно так же). Терри, загадочная, как яйцо, хранила зловещее молчание – она явно находилась в некоем ином ментальном пространстве, куда нам, всем остальным, хода не было.

Открылась дверь, и вошел Шуг с фиолетовой бархатной сумкой, расшитой крохотными зеркальцами, через плечо. Одет он был эклектично – в джинсы, состоящие в основном из заплаток, черно-белую палестинскую куфию вместо шарфа и дубленку. Шуг, наш сосед по подъезду на Пейтонс-лейн, утверждал, что купил дубленку – которая котиновалась значительно выше грязных свалывшихся флисовых курток большинства студентов – в магазине «Амир Кабир» в центре Тегерана.

Шуг, стройный и мускулистый среди уродливых коротышек, любил считать себя воплощением крутизны. Он был одним из немногих уроженцев Данди в нашем храме науки, укомплектованном студентами, от которых отказались всевозможные университеты по всей Англии. Впервые я встретила Шуга, когда он шел по Нижней улице: рядом бобиком скакал Боб, а в руке Шуг держал на манер леденца копченую треску. «Арброатский дымок», – объяснил он мне прокуренным голосом. Я сначала решила, что он имеет в виду какие-то наркотики (впрочем, наркоманов многие сравнивают с рыбой, тухнущей с головы).

Он сел на свое обычное место – на пол, спиной к стене, лицом к Арчи. Арчи взглянул на часы и сказал:

– Могли бы и не беспокоиться, мистер Скоби.

Шуг приподнял бровь и мрачно ответил:

– Кому и знать, как не вам, Арчи.

Загадочный диалог – но в нем чувствовался эмоциональный накал, словно два оленя в период гона сцепились рогами.

⁴⁴ Сьюзен Зонтаг (1933–2004) – американская писательница, мыслитель, художественный критик. «Эстетика молчания» – первая статья из ее сборника «Стили радикальной воли» (1969).

⁴⁵ Джон Барт (р. 1930) – выдающийся американский писатель, один из самых крупных, наряду с Томасом Пинчоном, представителей постмодернизма первой волны. На русский язык переводились только его «малые» произведения – романы «Плавучая опера» (1956), «Конец пути» (1958), «Химера» (1972) и «Всяко третье размышление» (2011), а также сборник «Заблудившись в комнате смеха» (1968). Один из главных его романов, «Giles Goat-Boy» (1966) – «Козлик Джайлс», «Козло-юноша Джайлс»... как только его не называли в нашем литературоведении – основывается на буквально обыгранной метафоре мира как университета, немаловажной в контексте данного романа Аткинсон.

– А вдруг вы что-нибудь интересенькое услышите, – сказал профессор Кузенс, ободрительно улыбаясь сначала Шугу, а потом никому в особенности. – Доктор Маккью знает много такого, чего не знает больше никто.

Шуг был старше остальных участников семинара. Его уже один раз выгнали из Колледжа искусств имени Дункана Джорданстоунского (до него считалось, что такое в принципе невозможно). После этого он успел потрудиться в нескольких местах – дорожным рабочим, кондуктором автобуса, даже на птицефабрике («Там делают птиц», – сказала Терри Бобу, и он ей поверил на целую минуту.) Кроме того, Шуг ездил в Индию и разные другие места «в поисках себя», хотя он явно не терялся. Вот если бы Боб куда-нибудь поехал и там нашел себя! Что же он найдет? Эссенцию Боба, очевидно.

Андреа при виде Шуга лишается остатков разума. (Влюбленная девица – ужасное зрелище.) Покинув Шотландскую церковь и ее нравственные устои, Андреа (увы, не она первая) втрескалась в Шуга и, кажется, находилась во власти ошибочного убеждения, что именно ради нее он исправится. Если она надеялась, что под ее крылышком он остепенится, ее ждало горькое разочарование.

Я сама однажды испытала неожиданный (но вполне приятный) приступ сексуальной активности с Шугом – в закутках в подвале библиотеки, рядом с секцией периодических изданий. Мы уже дошли до жарких поцелуев, и вдруг виноватый голос Шуга вывел меня из экстаза: «Прости, красавица, ты же знаешь, я не могу тебя трахнуть – Боб мой кореш». Но все же я с нежностью вспоминала об этом случае каждый раз, когда шла за «Шекспировским квартальным вестником» или «Атлантическим ежемесячником».

– ...со ссылкой на Пруста, – героически вещал Арчи. – Вальтер Беньямин напоминает нам, что латинское слово *«textum»* означает «ткань»; затем он выдвигает предположение, что...

Аудитория погрузилась в состояние взвешенной *ennui*⁴⁶. У меня слипались глаза. Мне казалось, что я задыхаюсь в теплом смоге из слов. Я старалась не заснуть – мне жизненно важно быть у Арчи на хорошем счету, ведь я уже на несколько недель опаздывала с работой, которую должна была ему сдать. Это была обязательная преддипломная работа («Генри Джеймс – человек и лабиринт»⁴⁷) объемом не менее двадцати тысяч слов. Пока что я написала из них ровно сорок: «Трудности Джеймса в значительной степени объясняются его желанием одновременно овладеть предметной областью через тщательно организованный процесс беллетризации и в то же время создать правдивое подобие реальности. Автор никогда не может присутствовать явно, поскольку его вторжение в текст уничтожает тщательно сплетенную...»

Слова Арчи сливались в гул, звучащий у меня в мозгу в фоновом режиме, но никакой смысл из них уже не складывался:

– ...посредством придания регистра речи, бу, бу, инскрипция обладает основополагающим объектом, бу, бу, и в самом деле идет на этот смертельный риск, бу, бу, эмансипации смысла... в том, что касается любого актуального поля восприятия, бу, бу, от естественной диспозиции сложившейся ситуации, бу, бу, бу...

Я старалась не заснуть и с этой целью думала о Бобе. Точнее, о том, что я собираюсь от него уйти. Прошло три года с того дня, когда я впервые проснулась в его постели, усыпанной

⁴⁶ Скука (фр.).

⁴⁷ Название преддипломной работы Эффи, во-первых, является подсказкой к значению имени дочки Арчи, в первый раз упомянутой на с. 41, Мейзи, чье имя созвучно с английским словом «maze» (лабиринт) – главная героиня известного романа Джеймса «Что знала Мейзи». В романе Мейзи – маленькая девочка, травмированная бездумным поведением родителей в процессе развода (в российском прокате одноименный роману фильм (2012), действие которого перенесено в современный Нью-Йорк, шел под крайне неудачным названием «Развод в большом городе»). Аллюзия к этому роману еще раз подчеркивается в названии главы «Чего не знала Мейзи». Во-вторых, название преддипломной работы описывает и структуру романа Аткинсон, явно многим обязанного Джеймсу: сюжет развивается запутанными кружными путями и скорее напоминает блуждание по лабиринту.

хлебными крошками, среди сбитых в клубок простыней. Я не знала, что делать дальше. Боб был совершенно пассивен, как игуана в спячке, и я не могла понять, каковы его дальнейшие планы. Когда я спросила, хочет ли он, чтобы я осталась, он хрюкнул. В ответ на вопрос, хочет ли он, чтобы я ушла, он опять хрюкнул. Я решила пойти на компромисс – уйти, но потом вернуться. Я выскользнула из объятий линючего бордового постельного белья, молча поморщилась от боли в загипсованном запястье, направилась (не завтракая) в свою комнату в женском общежитии Валмерс-Холл, подобную монашеской келье, и уснула.

К Бобу я вернулась в шесть часов вечера. Он лежал ровно на том же месте. Из-за его появления на велосипеде я решила, что он ведет подвижный образ жизни. На самом деле велосипед он позаимствовал у кого-то, чтобы перевезти на нем выращенную дома траву.

Я сбросила одежду и снова залезла в постель. Боб перевернулся на другой бок, открыл глаза и произнес:

– Ух ты! А ты кто такая?

По совершенно непонятной причине после первой ночи с Бобом я к нему странным образом привязалась. Позднее я задавалась вопросом: уж не лишилась ли я свободы воли, словно моя личность сплавилась с (весьма ограниченной) личностью Боба? («Вроде слияния разумов?» – сказал тогда Боб, которого эта идея в кои-то веки сильно воодушевила.)

После истории с велосипедом я перебралась к Бобу – постепенно, книга за книгой, туфля за туфлей. К тому времени, когда он заметил, что я больше не ухожу домой, он уже свыкся с идеей моего присутствия и не удивлялся поутру, обнаружив меня рядом с собой в постели. Я подумала, что можно и уйти от него таким же образом. Изымать себя по частям до тех пор, пока расчленять уже будет нечего и останутся только самые неосязаемые и загадочные компоненты (например, улыбка – да и она со временем растворится в воздухе)⁴⁸. И в конце концов на месте, где была я, не останется ничего. Это гораздо гуманней, чем взять и разом выйти в дверь. Одним куском. Или внезапно умереть.

– ...автономное произведение искусства ставит под вопрос...

– Арчи, – мягко вмешался профессор Кузенс, – а вам не кажется, что вся литература представляет собой поиск идентичности? – Он широко развел руками. – Начиная с «Царя Эдипа», далее везде – все литературные произведения описывают странствия человека... включая прекрасный пол, конечно... – он нагнулся и похлопал меня по руке, – в поисках своего подлинного «я» и своего места во вселенной, во всем грандиозном миропорядке. В поисках смысла жизни. И Бога. Существует ли Он (или Она), и если да, то почему Он (или Она) бросает нас в холоде и одиночестве на этом шарике, что без конца крутится в черной бесконечности космоса, открытый суровым межзвездным ветрам? И что будет, когда мы доберемся до конца бесконечности? И какого он цвета? Вот вопрос. Что видим мы, стоя на площадке обозрения бесконечности?⁴⁹

Все сидели молча, уставясь на профессора Кузенса. Он улыбнулся, пожал плечами и сказал:

– Это я так, думаю вслух. Продолжайте, дорогой мой.

Арчи, не обращая на него внимания, поехал дальше:

– *Не только роль создателя литературного произведения, но и его взаимоотношения с этим произведением...*

– Простите, – обратился Кевин к профессору Кузенсу, – вы сказали «какого цвета она», то есть бесконечность, или «какого цвета он», то есть конец бесконечности?

⁴⁸ Намек на Чеширского Кота из «Алисы в Стране чудес».

⁴⁹ Вероятно, отсылка к Террасе Бесконечности (Terrazzo dell'Infinito), площадке обозрения с видом на море на исторической вилле Чимброне, расположенной на побережье Амальфи в южной Италии. См. также с. 122 («Словно стоишь на краю бесконечности») и с. 180 («плед, сотканный из тусклых цветов конца бесконечности»).

– А вы думаете, есть разница? – живо отозвался профессор. – Это чрезвычайно интересно.

– Конец бесконечности? – удивилась Андреа.

– О, у всего есть конец, – ободряюще заверил ее профессор, – даже у бесконечности.

Я-то знала, что у бесконечности цвет придонного ила и дохлых тюленей, военных кораблей, затонувших вместе с экипажем, спитого чая утром в понедельник, штилей субботнего вечера и бухточек северо-восточного побережья в январе. Но я не стала ни с кем делиться.

– ...символизирует дистанцию между миром и явлениями, не говоря уже о...

Но тут Арчи снова перебили – на сей раз постучали в дверь. Не дожидаясь ответа, вошла Марта Сьюэлл. Марту недавно назначили вести курс по писательскому мастерству. Через год после введения «дипломной работы по писательскому мастерству» Арчи объявил, что затея имела грандиозный успех, и убедил кафедру ради повышения престижа поручить преподавание курса «настоящему писателю». Марта, уроженка Бостона и типичная выпускница Амхерста⁵⁰, была поэтессой сорока с лишним лет, о которой до того ни один человек на кафедре не слышал. Она писала синтаксически невнятные стихи, рисующие жизнь, полностью лишенную событий, с заголовками вроде «Абстракция ИЛИ [№ 3]» («...и твои волосы, размытые / дождем, наводят на мысль / о косвенности существования»), и только что выпустила новый сборник под названием «Сбор вишен в Вермонте», который всегда носила с собой, как паспорт, – может быть, на случай, если ее спросят, кто она такая.

Марта еще не оправилась от культурного шока – она ехала в Данди, ожидая увидеть романтическую Шотландию, с озерами и горами, вересковыми пустошами и водопадами. Время от времени она болезненно морщилась при встрече с очередным уродливым образчиком современной архитектуры, тупичком, освещенным газоразрядными лампами, или заброшенным зданием джутовой фабрики с провалами выбитых окон. Ей перечисляли многочисленные положительные стороны Данди: роскошные парки, городская обсерватория, вид с потухшего вулкана Лоу, великолепные мосты, река Тей, богатая история, газеты, заикленные исключительно на Данди, почти неестественное дружелюбие горожан в сочетании со склонностью к насилию и их приветливое равнодушие к чужим странностям (например, если тебе вздумается пройтись по улице в одних лишь домашних тапочках и с попугайчиком на голове, никто даже внимания не обратит). Но ее это не убедило.

Марта, высокая и худая, с сексапильностью трески, была большеного и носила туфли на плоской подошве, лучше всего подходящие для троп и дорог Новой Англии. Она казалась какой-то необыкновенно опрятной и холеной, словно каждое утро старательно чистила себя скребницей. Гладкие волосы (что-то среднее между светлыми и седыми, бесцветный цвет) были пострижены аккуратным каре и удерживались на месте черным бархатным обручем вроде Алисиного⁵¹.

В Шотландию с Мартой приехал ее муж, по имени Джей, преподаватель университета в Энн-Арбор и специалист по Уитмену, – он взял академический отпуск, чтобы последовать за женой. Сьюэллы тратили много времени (явно больше среднестатистического жителя Данди) на поездки в Эдинбург, где покупали кашемировые дорожные пледы из шотландки, кейтнесское стекло и редкие сорта виски и мечтали о том, чтобы снять дом в квартале Рэмси-Гарденз.

Марта и Джей принадлежали к числу тех, кто управляет странами и пишет законы, благополучно возвращается из полярных экспедиций и выживает в тропиках, изобретает хронометры и барометры, чинит одежду, штопает чулки и никогда не остается без молока и чистого

⁵⁰ Амхерстский колледж – частный гуманитарный университет в г. Амхерст, штат Массачусетс, США. Считается одним из лучших высших учебных заведений США, в том числе по гуманитарным наукам. Предоставляет студентам крайнюю свободу в составлении индивидуального учебного плана (обязательных предметов в программе колледжа не существует).

⁵¹ Имеется в виду изображение кэрролловской Алисы на классических иллюстрациях Джона Тенниела (1820–1914) к первым изданиям «Алисы в Стране чудес» (1865) и «Алисы в Зазеркалье» (1872).

белья. Эти люди ведут жизнь, которая мне не светит никогда, – особенно если я останусь с Бобом.

Сегодня на Марте были черные туфли на каблуке, серая фланелевая юбка и шерстяная накидка крысиного цвета, доходящая ей почти до пят. В руках Марта держала тяжелый, серьезный кожаный портфель. Она не принимала непосредственного участия в войнах за кафедральный трон, но, кажется, превратилась в трофейную фигуру, приз, который различные кандидаты желали заполучить и перетянуть на свою сторону.

– Вы заняты, – сказала она, обращаясь к Арчи.

Арчи опроверг этот самоочевидный факт, отправив студентов в небытие небрежным взмахом руки, словно все мы были плодом ее воображения. Андреа картинно изобразила тошноту.

– Вы ищете туалет? – участливо спросила я у Марты, но тут она заметила в углу профессора Кузенса, и тень растерянности омрачила ее гранитно-гладкий лоб.

– Он решил тут засесть, – сказал Арчи. У него это прозвучало так, словно профессор – участник студенческой сидячей забастовки протеста.

Профессор Кузенс так сильно подался вперед, что чуть не опрокинулся вместе со стулом. Он ткнул пальцем в сторону Марты.

– Напомните-ка мне, кто она такая, – громким шепотом обратился он ко мне.

Я пожала плечами:

– Какая-то женщина.

– А! – воскликнул профессор, будто мои слова абсолютно все проясняли. Он сложил руки на мягком стариковском животе, благосклонно кивнул Марте и сказал: – Садитесь, садитесь. – Он кивнул на стул рядом с Терри. – Кто знает, может, и вы чему-нибудь научитесь, – хохотнул он. – Я-то уж точно много нового узнал.

Марта взглянула на Арчи, ожидая указаний, но он лишь поднял брови, словно говоря, что он тут ни при чем. Марте ничего не оставалось делать – она неохотно вместила длинные, как у саранчи, конечности в стул, не сводя подозрительного взгляда с Терри.

Появление Марты было для меня ударом – я надеялась еще какое-то время от нее прятаться. Задание по курсу писательского мастерства, которое я ей задолжала, было еще одной обязательной преддипломной работой, которую я, судя по всему, собиралась провалить. Дополнительно усугубляло ситуацию то, что мое творение – роман «Мертвый сезон» – было детективом, то есть, по словам Марты, наименее респектабельным из всех литературных жанров («Ну почему?! Почему?! Почему?!»). Мне пришлось сделать вид, что в наше время любой детектив – постмодернистское произведение, но я видела, что Марту мои слова не убедили. Мои отношения с Мартой улучшились бы, сумей я предъявить ей побольше слов на бумаге, но пока что они существовали только у меня в голове. (О, насколько легче была бы жизнь бедных писателей, если бы им не нужно было ничего писать!) Пока что я могла предъявить только первую обрисовку персонажей и намек на завязку сюжета...

– Ну что ж, время и прилив никого не ждут, – громко сказала мадам Астарти, вздымая с кровати свое увесистое тело.

Торс мадам Астарти по форме плотно вошел бы в бочонок. На кухне из еды нашелся лишь полупустой пакет лежального «пищеварительного» печенья в шоколаде. Мадам Астарти задумалась о том, есть ли ей смысл садиться на диету. Она «была не в форме» еще с шестидесятых – потеряла форму до приезда в Моревилль и с тех пор никак не могла обрести ее вновь. Мадам Астарти вовсе не собиралась переезжать сюда; это было сиюминутным решением (иными словами, она вообще ничего не решала – все получилось само). Она приехала в Моревилль в 1964 году из Кливленда со своим тогдашним мужем Гордоном Маккинноном по дешевому железнодорожному билету с возвратом в тот же день. И она, и муж устали, и их эмоциональное состояние оставляло желать лучшего. Они затеяли долгую ссору, кульминация которой насту-

пила в неприятный момент, когда их люлька зависла в самой высокой точке колеса обозрения; Гордон поведал жене о своей личной теории переселения душ, центральным догматом которой было неминуемое возвращение мадам Астарти на этот свет в виде чайки⁵². В конце концов они перестали ссориться, и Гордон вернулся в Кливленд, а она осталась в Моревилле. Последние известия о Гордоне Маккинноне дошли до нее в 1968 году – он был в бегах, скрывался от Королевского общества защиты животных. Мадам Астарти понятия не имела, что с ним было потом. Может, он вообще уже умер – в этом промежуточном состоянии находились многие бывшие знакомые мадам Астарти. Может-быть-покойники, как она их называла про себя.

Мадам Астарти еще покурила, навела марафет – вновь столкнувшись с вечным вопросом: как красить глаза, если она ничего не видит без очков, – и наконец приготовилась к выходу из дому.

Зазвонил телефон, но, когда мадам Астарти взяла трубку, собеседник с решительным щелчком отключился. В трубке послышалась мертвая тишина. Нет, так не говорят. Тишина не слышится, она просто есть. У меня зазвонил телефон. Кто говорит? Таракан. Нет, кажется, не так. Иногда мадам Астарти приходило в голову, что, может быть, у нее наступает старческий маразм. Но ведь изнутри этого никак не понять.

Она тщательно заперла дверь, решив, что лишняя осторожность не помешает – хотя всю жизнь жила по прямо противоположному принципу.

– Пора идти, – сказала она, не обращаясь ни к кому в особенности, хотя...

Тут меня напугал профессор Кузенс: он вдруг наклонился ко мне, извлек из кармана мятную конфету и сунул мне в руку со словами «ты хорошая девочка», словно кто-то убеждал его в обратном.

Интересно, подумала я, действительно ли профессору столько лет, на сколько он выглядит? Я притягивала стариков как магнит – они слетались ко мне стайками на остановках и в магазинных очередях в отчаянном желании поболтать о погоде и автобусном расписании. Андреа боялась стариков (наверно, подозревая, что сама когда-нибудь станет таковой, и пытаюсь избежать этой участи). По ее словам, каждый раз при виде младенца она думала о том, что когда-нибудь он станет стариком. Лично я предпочитаю при виде старика думать о том, что когда-то он был чьим-то ребеночком. Может, существует два типа людей (у одних стакан наполовину пустой, у других наполовину полный): одни прозревают бывшего младенца в человеческой развалине, а другие, депрессивные, смотрят на тугие щеки младенца и видят выжившую из ума старуху.

– Мудрую, – поправляет меня Нора. – Мудрую старуху.

У Арчи в глазах уже светился огонек безумия. Из-за жары и тесноты в аудитории он принимал все более растерзанный вид – ослабил галстук, расстегнул воротник, а мокрые пятна под мышками расползались по груди, сближаясь, как два океана, полные решимости найти соединяющий их пролив.

– ...или как переход от одной манифестации к другой, от денотата к десигнату...

– Арчи, извините, пожалуйста. – Профессор Кузенс махал рукой, чтобы привлечь внимание лектора.

– Да? – стоически спросил Арчи.

– Вы не могли бы вернуться немножко назад? – добродушно попросил профессор. – Я, кажется, теряю нить ваших рассуждений. Боюсь... – он окинул студентов заговорщической улыбкой, – боюсь, мне не тягаться с гениальным умом доктора Маккью...

⁵² Возможно, аллюзия на книгу Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» (1970), которая позже окажется у Эффи под подушкой.

Арчи волок свой стул по ковру, отталкиваясь ногами – передвигаясь на такой манер, он напоминал особо неуклюжего далека⁵³, – но вдруг остановился перед профессором и начал делать какие-то странные дыхательные упражнения, вероятно, чтобы успокоиться, хотя со стороны казалось, что он пытается надуть самого себя, как шарик.

– Реализм, – терпеливо перебила Марта, спасая Арчи. Обращаясь к профессору Кузенсу, она произносила слова очень медленно и очень громко: – Доктор Маккью говорил о реализме.

– А! – Профессор Кузенс улыбнулся Марте. – Троллоп!

Арчи отъехал назад по бурому казенному ковровину, отступая, и рывкнул:

– *Валидность миметической формы в постиндустриальную эпоху уже неубедительна!*

Верно или нет? Кто-нибудь? Есть соображения? Кевин?

Кевин мрачно помотал головой, глядя в стену.

– Эффи?

– Ну, я полагаю, что в наши дни, – я неловко ерзала на стуле, – наблюдается эпистемологический сдвиг в создании беллетристики, из-за которого правдоподобие второго порядка уже не работает при попытках создать трансцендентально связанное представление мира.

Я сама не понимала, что говорю, но для Арчи мои слова явно имели смысл.

– Это, по-видимому, подразумевает, что создание трансцендентально связанного представления мира является по-прежнему желательным, не так ли? У кого-нибудь есть соображения по этому поводу?

В дверь снова постучали.

– Тут прямо как на вокзале, – бодро сказал профессор Кузенс. – Не знаю, Арчи, как вы еще умудряетесь кого-нибудь чему-нибудь научить.

Арчи с сомнением посмотрел на него. Профессор Кузенс, конечно, уже направлялся на выход, но еще не весь вышел и пока обладал властью нанимать и увольнять сотрудников. Стук в дверь повторился.

– Войдите! – сварливо крикнул Арчи; пламя свечи заметалось и замерцало. – О, это вы, – сказал он, когда в аудиторию вошел...

– Нет, нет, хватит, – устало говорит Нора. – Уже и так слишком много народу.

Я сплю в глубине дома, в бывшей комнате для слуг, где пахнет плесенью и отсыревшей сажей. Тонкое пуховое одеяло с узором «огурцы» кажется мокрым на ощупь. Я выбрала эту комнату, потому что во всех спальнях побольше протекает крыша и кап-кап-капли падают в ведро – шотландская пытка водой. Я пыталась развести огонь в крохотном угловом камине с чугунной решеткой, но дымоход забит, – вероятно, там дохлая птица.

На тумбочке у кровати до сих пор лежит карманная Библия в переплете из дешевой черной кожи – он пошел пузырями от сырости. Страницы испещрены временем, бумага тонкая, словно кожа старика. Это не семейная Библия – форзац подписан деловитым почерком служанки. Я представляю себе затюканную горничную отдыхающих Стюартов-Мюрреев – она просыпается утром под барабанную дробь дождя по крыше, смотрит в окошечко на тусклый серый полумрак и жалеет, что не устроилась к разумным людям, которые проводят отпуск в Довилле или на Капри.

Я не могу уснуть из-за чудовищных потусторонних воплей, издаваемых дикими кошками. Прямо какие-то баньши в кошачьем облике. С самого моего приезда на остров они будят меня почти каждую ночь. Меня высадил дружелюбный рыбак на своей лодчонке – он очень извинялся, что не может за мной вернуться, потому что ему «боязно» от странных звуков, напол-

⁵³ Далеки – инопланетная раса роботов-убийц из британского фантастического сериала «Доктор Кто». «Доктор Кто» – самый продолжительный научно-фантастический сериал в мире (впервые появился в 1963 году), важная часть массовой культуры Великобритании и многих других стран.

няющих остров⁵⁴. Мне не удалось его убедить, что их издают всего лишь непоправимо испорченные сиамские кошки.

Я выздоравливаю после болезни. Меня свалил вирус, загадочная инфлюэнца, и теперь я слаба, как выводок котят. Я приехала сюда на поправку, хотя, к сожалению, остров моей матери, склонной к атакизмам, не предоставляет обычных удобств для выздоравливающего больного – теплых спален, мягких одеял, яиц всмятку, консервированного супа и прочего. Но я вынуждена терпеть и как-то выкручиваться – ведь, кроме Норы, у меня никого нет.

Саму Нору вынесло на остров пару лет назад в ее утлой лодчонке «Морская авантюра». Нора живет в «большом доме», как жертва кораблекрушения, выброшенная на берег. Дом в самом деле больше любого другого жилья на острове – разрушенных крестьянских хижин и избышек с провалившимися крышами. Остров усеян ими, и они постепенно разрушаются, растворяясь в пейзаже, словно развалины минойского дворца. Нора говорит, что дом построил ее прадедущка в прошлом веке, – она считает, что здесь отдыхали бесчисленные поколения Стюартов-Мюрреев, уходящие корнями в доисторический мрак.

Дом выглядит так, словно его бросили внезапно, спасаясь от какой-то неминуемо наступающей беды. Он стоит на склоне горы, который спускается к проливу, – дальше виден бескрайний Атлантический океан. Зимние ветра в этих местах бушуют так, что подхватывают гальку с пляжа и швыряют в стекла, а окна при этом дребезжат и трясутся, будто в дом ломаются призраки стосковавшихся по родине моряков.

Дом рушится прямо нам на голову. Когда-то это был настоящий господский дом с хорошо поставленным хозяйством. Сейчас осталась лишь каменная скорлупа. Крыша протекает так сильно, что шагу не ступишь, не споткнувшись о ведра, подставленные под течи. Подоконники, вырубленные из песчаника, подтаяли в соленом морском воздухе, половицы прогнили, а главную лестницу так изъел шашель, что ходить можно только по краю – иначе свалишься вниз, прямо на мозаичный пол холла первого этажа.

В доме тяжелые, побитые молью занавеси, холодные очаги, чьи решетки давно не знают огня, большие глубокие квадратные керамические раковины на кухне, огромная чугунная печь марки «Орел», стиральные доски «Стеклянная королева» и полный набор звонков для призвания давно ушедших слуг. Стены увешаны мрачными масляными полотнами, которые остро нуждаются в чистке: нарисованных на них оленей, спаниелей, покрытых печеночными пятнами, и вересковые дали уже едва разглядишь. Есть даже одно растение в горшке, старая сухая пальма с бурыми, словно бумажными, листьями, обломок былой эры, – она умудрилась выжить в доме без воды и тепла.

Дом полон плесневеющих реликвий прежней, утонченной и роскошной, жизни – тут и подобные шатрам огромные шелковые зонтики, что гниют в вестибюле в больших китайских вазах, украшенных желтыми драконами, и шезлонги сложной конструкции с тентами и опорой для ног, чей зеленый брезент так истончился и побледнел, что не выдержит и веса полевой мыши. В шкафах, сундуках и сараях разлагаются галоши, зюйдвестки, прорезиненные плащи, древние охотничьи ружья, удочки и сачки. На распадающихся в прах туалетных столиках лежат щетки с эмалевой подложкой, в щетине которых еще торчат вычесанные волосы давно умерших людей.

Погреб, кажется, использовали в качестве хранилища все жители острова, и там можно найти целые залежи таинственных предметов – в нем лежат мотки сетей и бечевки, старые ящики для рыбы и верши для омаров, корзины для перевозки почтовых голубей, сморщенная семенная картошка и – вероятно, самый странный предмет – фигура с носа старого парусника. Она воплощает представление моряков о русалках: желтые волосы, голый торс. Наверно, когда-то она торчала под бушпритом какого-нибудь отважного корабля, выставив груди навстречу

⁵⁴ Отсылка к «Буре». Калибан говорит Стефано и Тринкуло: «Не бойся: этот остров полон звуков...» (акт III, сц. 2).

ветру и озирая безумными голубыми глазами все чудеса света – лед Балтийского моря, лондонский туман, бури у мыса Горн, мягкие желтые пески тихоокеанских пляжей и странные племена Бермудских островов.

Все обращается в прах у нас перед глазами. Ничто не избежит руки времени – ни города Междуречья, ни летний дом наших предков.

Нора готовит на ужин кашу из дробленого овса и кудрявую листовую капусту. Она живет, как крестьянка. Но, я полагаю, если поскрести любого человека, вылезет крестьянин.

– Нет, нет, нет! – Нора яростно колотит себя кулаком в грудь. – Мы все – короли и королевы.

– А теперь, – она зевает и, по-моему, немного переигрывает, – я пойду посплю. Продолжай без меня, не стесняйся.

Что пропустила Нора

...Ватсон Грант.

– Доктор Ватсон, я полагаю. – Профессор Кузенс расплылся в улыбке, словно чрезвычайно удачно пошутил.

– Входите-входите, не стесняйтесь, все остальные уже тут, – съязвил Арчи.

Ватсон Грант был одним из заведомо безнадёжных претендентов на трон руководителя кафедры. Он специализировался по «шотландской культуре» – странный, старомодный предмет из страны пасторалей и белого вереска, ручейков, холмов и поросших травой склонов, где пригожие селяне пляшут стратспей и рилы, а Мойра Андерсон и Кеннет Маккеллар поют дуэтом, сопровождая им. Такую Шотландию Марта Сьюэлл оценила бы.

Грант Ватсон всегда ходил в пиджаках из гаррис-твида. Родом он был из какого-то далекого места, название которого то ли начиналось на «Инвер-», то ли кончалось на «-несс». Он был странно асексуален, как крот, несмотря на наличие жены и двоих детей где-то в Файфе. Он обожал походы по пересеченной местности и порой даже в университет являлся в громоздких кожаных туристских ботинках, на которых еще оставалась засохшая грязь с горы Манро, – словно в том, чтобы карабкаться в гору, когда это не обязательно, заключается некая добродетель.

Грант Ватсон, как обычно, имел испуганный вид, и профессор Кузенс еще подбавил ему нерешительности, добродушно замахав на него рукой и произнеся с чрезвычайно нелепыми потугами на шотландский акцент:

– Оххх, – это прозвучало так, словно профессор пытается отхаркнуть мокроту, – уходь, милый коллега.

Грант Ватсон застыл на пороге аудитории – ему не хотелось оставаться, но и уходить тоже не хотелось: он боялся, что присутствие профессора Кузенса означает благосклонность последнего к кандидатуре Арчи. Ватсон даже, кажется, слегка приплясывал на месте, но Арчи оборвал его танец словами:

– Туалет в другом конце коридора.

Тут зазвонил звонок, обозначающий конец часа, и спас Гранта от необходимости подыскивать ответ.

Арчи не обратил внимания на звонок и продолжал говорить, но его уже никто не слушал – все начали извиваться, выбираясь из жестких пластиковых тисков. На туманную долю секунды мне показалось, что я вижу и зыбкие очертания Безымянного Мальчика – он поднимался с сиденья спиральной струйкой дыма. Я моргнула – и там уже ничего не было, кроме хлопьев сажи от догорающей на окне свечи.

Надо мной вдруг навис Арчи, и его тело, напоминающее раздутый дирижабль, загородило мне оставшиеся жалкие крупы света. Я была уверена, что он сейчас скажет что-нибудь про несданную работу, но он лишь нахмурился, глядя на мой корявый конспект, и спросил:

– Посидишь сегодня вечером с Мейзи?

Я вынужденно согласилась: запаздывающий «Человек и лабиринт» ставил меня в уязвимое положение. Хорошо, что Арчи пользуется моими услугами бебиситтера – лишь бы только не решил вместо этого брать с меня плату натурой.

Я помогла профессору Кузенсу выбраться из стула. К этому времени у всех присутствующих уже слегка поехала крыша, и они рванулись к дверям, словно пассажиры горящего самолета. Мне пришлось вцепиться в поношенный коричневый вельветовый пиджак профессора, чтобы его не унес прочь поток студентов, покидающих аудиторию со всей возможной скоростью.

Влачаюсь за профессором по течению, я заметила Джея Сьюэлла, мужа Марты. Он был высокий, с тяжелой челюстью и копной серебристых волос, которые Марта считала «львиной гривой», – впрочем, на нее не польстился бы ни один здравомыслящий лев. Джей, обладающий манерами и осанкой южного плантатора, действительно происходил с американского Юга – этот факт, по-видимому, одновременно возбуждал Марту и ставил ее в неловкое положение с точки зрения идеологии.

Джей Сьюэлл поприветствовал профессора Кузенса, не обращая никакого внимания на студентов, словно они были низшей формой жизни. Жену он равнодушно чмокнул в щеку и сказал, что у него в машине Малыш, которого все утро тошнило.

– Ах, бедняжка, – сказала Марта.

Мне очень хотелось узнать побольше о Малыше (кто это – ребенок? собака? друг? литературный персонаж?), но Джей захлопнул дверь, и мы с профессором Кузенсом остались вдвоем в сумрачном коридоре.

– Куда теперь? – бодро спросил он.

– Ну, мне надо идти писать реферат о Джордж Элиот, – сказала я. От одной мысли об этом я почувствовала себя мрачной тенью, обитающей в Аиде. – А вам – нет. Вы не студент и можете делать что хотите.

Я решила, что стоит ему об этом напомнить.

Профессор нахмурился и сказал:

– Только в рамках совокупности определенных социальных, физических и этических параметров.

Эта реплика была на удивление здоровой, и ее лишь самую малость испортило то, что профессор вдруг принялся отбивать чечетку.

– В юности я хотел пойти на сцену, – мрачно сказал он.

– Никогда не поздно, – неопределенно ответила я.

Конечно, это была ложь, – к сожалению, в жизни очень часто бывает слишком поздно.

Мы нащупывали путь в стигийском мраке коридора, передвигаясь под ручку, словно старомодная парочка. Профессор Кузенс был очень учтив – идя с женщинами, он всегда торопливо перебежал на внешнюю сторону тротуара (видимо, чтобы их не сбила внезапно понесшая лошадь кэбмена), уступал места, открывал двери и вообще относился к представительницам противоположного пола так, словно они из стекла или чего-то столь же хрупкого (что абсолютная правда, ведь мы сделаны из костей и плоти).

Его галантное присутствие меня сильно подбодрило – особенно потому, что сейчас у меня стояли дыбом волосы на затылке. Может, оттого, что Безымянный Юноша облетал дозором свое прежнее обиталище.

– О, за нами за всеми следят, – жизнерадостно сказал профессор Кузенс. – Мы просто этого не знаем.

Арчи, конечно, давно уже был убежден, что за ним следят службы особого назначения, хотя так и не объяснил почему. («Может, потому, что он сам такой особенный», – предположила Андреа в один из тех дней, когда ее мозги явно отказали.)

– О да, но ведь Арчи сумасшедший, – бодро сказал профессор Кузенс. – Все мы здесь не в своем уме – и ты, и я.

– Откуда вы знаете, что я не в своем уме? – спросила я.

– Конечно не в своем, – ответил профессор. – Иначе как бы ты здесь оказалась?

Кабинет профессора Кузенса располагался в другом конце коридора, принадлежащего кафедре английского языка. Это и всегда было опасное место со множеством потайных ловушек, но оно стало еще опасней сейчас, когда обострилась борьба за престол. Пройти от одного конца коридора до другого было все равно что проехаться на аттракционе «Поезд призраков» –

все время уворачиваешься от злых духов, которые внезапно выскакивают из-за углов, пытаюсь тебя напугать.

Сегодня, однако, все они куда-то делись. Дверь кабинета доктора Херра была плотно закрыта, а у Мэгги Маккензи, наоборот, широко распахнута, словно подчеркивая, что владелице кабинета скрывать нечего. Хотя самой Мэгги в кабинете не было. Ватсон Грант, кажется, покинул здание. Но меня держал в плену профессор Кузенс, как старый мореход – свадебного гостя. Он принялся рассказывать длинную историю про свои юные дни в кембриджской докторантуре и какую-то девушку, которую он в незапамятные времена соблазнил на майском балу, и мы не видели, что к нам, раздвигая Сумрак, несется Мэгги Маккензи с перекошенным, как у фурии, лицом, – пока она не оказалась совсем рядом.

Ее бесформенные похоронные одеяния клубились на ходу, и на пол сыпались заколки-невидимки. У Мэгги Маккензи были длинные седые волосы стального цвета, и с утра она приходила, уложив и подколов их в одну из разнообразных неопределенно-викторианских причесок (косы, валики и тому подобное). Но к обеду волосы начинали выбиваться из пут, и к середине дня она уже напоминала древнюю воительницу, ведущую бриттов в бой, – царицу-воина, что желает страшно отомстить врагам.

– Доктор Маккензи! Мэгги! – Профессор Кузенс радушно закивал ей.

Она в ответ пронзила его взглядом. Мэгги Маккензи преподавала историю романа девятнадцатого века («Я научила женщин говорить») и таила злобу против самцов своего вида. Ожесточению поспособствовал ее бывший муж, также доктор Маккензи, о котором Мэгги никогда не говорила, так как, по ее словам, «есть вещи, которые бессилён описать язык».

– Кажется, вы задолжали мне реферат? – резко сказала она мне вместо приветствия и добавила: – Где ваша Джордж Элиот?

Как будто на свете было несколько Джордж Элиот и одна из них принадлежала мне.

– Я оставила его дома, – [или «ее»?] сказала я, беспомощно пожав плечами и как бы давая понять, что жизнь – очень странная вещь, над которой я совершенно не властна.

Доктор Херр внезапно распахнул дверь своего кабинета, словно пытаюсь застать кого-то врасплох. При виде нас троих он нахмурился – видно было, что ему хочется заставить нас переписать тысячу строк в наказание за то, что мы без дела околачиваемся на его территории. Доктор Херр специализировался на XVIII веке («1709–1821 – век разума или век рифмы?») и считал, что руководство кафедрой следует отдать ему, поскольку он единственный из всех сотрудников способен составить нормальное расписание. Вероятно, он был прав.

Доктор Херр был безбородый, высокий, худой и хилый. Из-за анемичного вида казалось, что он слишком быстро вырос и его мускулы за ростом не поспели. Он представлял собой своеобразный англо-шотландский гибрид. Его отец происходил из того же рода, что и известные ветеринары по фамилии Херр, а мать – из менее благородной семьи кентских галантерейщиков. Когда брак распался, она вернулась в лоно семьи, взяв с собой юного доктора Херра. Так и вышло, что по крови он был уроженцем Эдинбурга, а по духу – Кента. Впрочем, это перекрестное (через границу) опыление не придало ему гибридной стойкости.

Правду сказать, по временам доктор Херр казался бóльшим англичанином, чем сами англичане. Он учился в небольшой частной школе где-то в домашних графствах, а затем поступил в Оксфорд, где помогал основать общество любителей настоящего эля. Он мог (с сочным мажорным акцентом) перечислить всех игроков, когда-либо входивших в сборную Англии по крикету. («Ну и задрот» – такой лаконичный вердикт вынес ему Боб.)

Мэгги Маккензи и доктор Херр смотрели друг на друга, будто готовясь к кулачному бою. Я подумала, что это неплохой способ решить, кто должен возглавить кафедру.

– Рукопашная схватка, – пробормотал профессор Кузенс мне на ухо. – Очень экономит время.

Доктор Херр попятился и обратил свою агрессию на меня.

– Вы опоздали с рефератом, – резко сказал он. – Я хочу получить его немедленно.

Доктор Херр был из тех ипохондриков, которые наслаждаются своей ипохондрией, – впрочем, он так страстно жаждал получить руководство кафедрой, что, кажется, в самом деле хворал из-за этого. Он уже забыл обо мне, охваченный внезапным желанием пощупать свой пульс.

– Наверно, мне лучше присесть, – прошептал он и снова удалился к себе в кабинет.

– Полный идиот, – сказала Мэгги Маккензи, а затем повернулась ко мне и гневно произнесла: – Я подожду до завтра. Чтобы к пяти часам ваш реферат по Джордж Элиот был у меня на столе.

Она угрожающе сдвинула кустистые брови, резко повернулась и утопала вдаль по коридору.

– Какая грозная женщина, – сказал профессор Кузенс, когда она уже не могла услышать.

Меня удивляло, что университетская группа борьбы за раскрепощение женщин не записала Мэгги Маккензи в свои ряды – особенно теперь, когда группа вошла в новую, воинственную фазу. Раньше это был тихий приют для студенток, любящих за чашкой кофе пожаловаться на бойфрендов, но недавно власть в группе захватила девушка по имени Шерон, отличница с факультета политологии, круглолицая, в совиных очках. Она пылала решимостью обучить нас тонкостям диалектического материализма, пока жива (судя по всему, Шерон должна была скончаться намного раньше, чем сама того ожидала).

– Ну что ж... – произнес профессор Кузенс, когда мы наконец извилистыми путями пришли к дверям его кабинета. – Я, пожалуй, прилягу поспать. А вы?

Я не могла понять – то ли он приглашает меня поспать вместе с ним, то ли просто интересуется моими планами. Как бы там ни было, я грустно покачала головой и сказала:

– Я пойду домой, мне нужно работать.

– Передавайте привет этому своему приятелю.

– Бобу?

– Значит, Бобу.

Тут профессор узрел Джоан, секретаршу кафедры, – женщину средних лет с большим бюстом. Джоан обожала мохер, так что я все время боролась с желанием прикорнуть на ее пушистой груди. Профессор ударился в затейливую пантомиму, изображая, что пьет из чашки. Джоан со вздохом долготерпеливой страдальцы нырнула в шкаф, где хранился чайник. На случай чрезвычайных ситуаций (вроде той, в которой мы сейчас находились) она держала у себя в закромах и небольшой примус (вот так случаются чудовищные пожары).

– Мне нужно регулярно подкрепляться, – со смехом сказал профессор. – Меня, видите ли, пытаются убить.

– Что? – переспросила я, думая, что ослышалась.

Но он уже закрыл дверь, хотя с той стороны все еще доносилось отчетливое хихиканье.

В подвале, где располагался студенческий совет, попирались всевозможные законы противопожарной безопасности. Там было необычнолюдно, воздух густ от конденсата, и мерцающие свечи на столах придавали всему помещению некую подземную мрачность, особенно когда их свет падал на картины в стиле Брейгеля, по неизвестной причине висящие на стенах.

Представьте себе нечто среднее между пещерной стоянкой каменного века и бомбоубежищем времен войны, и вы узнаете, как выглядело помещение студсовета. Сейчас университет строил для него новое здание – сплошное стекло от пола до потолка и открытые пространства, – но я подозревала, что стоит туда въехать студсовету – и новостройку немедленно заполнит та же зловонная атмосфера, а ковры пропитаются пивом и пеплом.

Помещение делилось на две части: в одном располагалось нечто вроде кафе самообслуживания, а в другом – бар, где сейчас шумная группа игроков в регби – по всей вероятности,

химерический союз студентов с медицинского и инженерного факультетов – пропускала кружечку-десятую. Регбисты вели себя так, словно был вечер пятницы, а не обеденный перерыв понедельника, – они залпом осушали пинтовые кружки крепкого и горланили примитивные песни о причудливых сексуальных актах, которых наверняка никогда не совершали и, скорее всего, не понимали даже, в чем они заключаются.

Я нашла Терри – она забилась в угол у стола, усиленно курила и старалась игнорировать Робина, который уже прорвал периметр оборонных сооружений ее личного пространства. Личное пространство Терри по площади было примерно равно острову Малл и потому требовало усиленной защиты.

Робин походил на Роя Вуда из группы *Wizzard* с некоторой примесью Распутина позднего периода, если можно представить себе Распутина в бордовых клешах и футболке самодельного крашения под батик, всех цветов радуги. Он демонстративно читал «Игру в бисер». Робин умел повергать окружающих в смертную скуку. Его творческая работа для Марты представляла собой одноактную пьесу под названием «Пожизненный срок» (по его словам, «постбеккетовскую»), в которой недовольные жизнью студенты сидели на упаковочных ящиках, разбросанных по сцене, и говорили, не заканчивая фраз, о том, как скучна жизнь. На мой взгляд, эта пьеса была реалистична до такой степени, что уже не могла называться искусством.

Андреа деликатно ела яблоко сорта «голден-делишес», снимая кожуру и отрезая аккуратные дольки, и брезгливо морщилась, глядя на сидящего напротив Кевина, который засовывал в рот огромный форфарский пирожок с мясом. Жирные чешуйки слоеного теста липли к его пухлым губам. Дожевав, он страдальчески вздохнул и сказал:

– Двух всегда мало, правда?

Кевина возмущало, что в кафе не подают горячей еды.

Крупная девушка по имени Кара садилась за стол по соседству – это зрелище завораживало. Кара была нагружена подносом еды, тяжелым рюкзаком, тканой узорчатой греческой сумкой через плечо и, наконец, пухлым младенцем, который был примотан платком у нее за спиной.

Кара жила с другими студентами (в том числе Робинотом) в старом фермерском доме, который назывался Вестер-Балниддри, в дебрях сельской части графства Ангус. Они держали коз и кур и притворялись, что полностью себя обеспечивают всем необходимым. Но в случае глобальной катастрофы на них лучше было не рассчитывать – они не смогли бы выжить без доступа к благам цивилизации. Например, любое действие, для которого требовались инструменты, повергало их в панику. Если бы техническую эволюцию доверили обитателям Балниддри, человечество до сих пор хранило бы свои вещи в гамаках, подвешенных к деревьям.

Кара наконец уселась и принялась жадно поглощать большую длинную булку, битком набитую тертым сыром и кресс-салатом. Стиль одежды Кары можно было бы определить как «крестьянский». Сегодня на ней была индийская хлопковая юбка, тяжелые рабочие ботинки и огромный волосатый свитер, связанный, похоже, при помощи колышков от палатки. Голова повязана какой-то тряпкой на манер платка русских деревенских баб. Кожа – смуглая, словно ее натерли соком грецкого ореха.

Кара была родом из Кента, хотя походила на цыганку. После университета она собиралась окончить учительские курсы и спикировать на учеников начальных школ, прикрывшись невинным псевдонимом «мисс Джонс». Младенец, чье происхождение было едва ли не туманней моего, носил имя Протей. Кара таскала его с собой всюду, к большому расстройству преподавательского состава, обнаружившего, что не существует правил, запрещающих приносить младенцев на лекции и семинары.

Робину наконец надоело притворяться, что он читает «Игру в бисер», и он достал пачку гигантских листов папиросной бумаги и принялся набивать косяк под столом. Недавно он решил стать буддистом и с тех пор наводил на всех еще более смертельную скуку.

– В чем смысл жизни? Счаст-Лифф ли ты? – произнес Робин и глупо засмеялся, отчего у него затряслись плечи, как у собаки в мультфильме; почему-то все студенты Данди находили эту шутку уморительной.

– Как аукнется, так и откликнется, а? – сказал Шуг, садясь рядом с Робинем.

Андреа заискивающе улыбнулась ему, но Шуг больше интересовал холодный круглый пирог (на языке жителей Данди – «перох»), который он в данный момент ел.

За всю жизнь Нора дала мне ровно два совета, оба – на вокзале в Ньюкасле, когда я впервые в жизни садила на поезд, идущий в Данди:

1. Берегись людей с голубыми глазами.
2. Не питайся пирогами.

Я пыталась как могла следовать этой материнской мудрости, несмотря на ее неудовлетворительную стихотворную форму. Ведь я не могу больше рассчитывать ни на какие родительские советы.

– Так вот, я решил стать вегетарианцем, – сказал Робин, замороженно разглядывая бледные жирные внутренности пирога, поедаемого Шугом.

Протей заревел, и Кара выпутала его из рукотворного кокона. Под платком Протей был завернут в засаленное белое термоодеяльце, что придавало ему сходство с гигантским опарышем. Он гневно замахал кулачками, но Кара порылась у себя за пазухой, достала грудь и прицепила его к ней. Кевин побагровел от ужаса и принялся упорно разглядывать что-то чрезвычайно интересное на потолке, но тут увидел за соседним столиком Оливию и перевел взгляд на ее красные сапожки.

Оливия сидела с ребятами с факультета социальных работников, которые ее не замечали. Она читала «Горменгаст», очень медленно и внимательно, как читают те, кто обедает в ресторане в одиночку. Она прижала руку к щеке, открыв тонкое запястье с золотым браслетом. Несколько месяцев назад, в момент откровенности, наступивший в буфетной очереди, Оливия сказала мне, что браслет принадлежал ее матери.

– Она умерла? – осведомилась я небрежно, как подобает полусироте (вы ведь уже заметили, что мой отец вообще не появляется в моей собственной истории).

Да, сказала Оливия, умерла – покончила с собой, отравилась газом, и, что особенно неприятно, выбрала для этого ее, Оливию, десятый день рождения.

Андреа вдруг нырнула под стол, чтобы спрятаться от Шерон. Шерон – та самая, педантичная и внушающая страх девица, что захватила власть в группе борьбы за раскрепощение женщин, – жила с Андреа в одной квартире. Это была одна из тех студенческих квартир, жильцы которых в начале учебного года друг друга не знают, а к концу года – не любят. Это была также одна из тех квартир, где каждый жилец закупает продукты на себя, поэтому в небольшом холодильнике стояли в числе прочего пять пакетов молока (надписанных владельцами). Еще в этой квартире постоянно спорили о том, кто взял чье масло и кто поживился чужими кукурузными хлопьями. Шерон уже дошла до того, что помечала уровень на своей бутылочке томатного соуса и взвешивала свои куски маргарина.

Она сразу увидела Андреа и тут же направилась к ней. На Шерон была обтягивающая водолазка-«лапша», которая подчеркивала ее небольшую, ничем не стесненную грудь со странно выпуклыми сосками. На ходу грудь гипнотически подпрыгивала.

– Она думает, что я съела у нее треугольник плавленого сыра, – хлопнула носом Андреа. – Как будто я себе такое позволяю. В нем миллион калорий.

К счастью для Андреа, Шерон отвлеклась на пьяного регбиста, во всеуслышание заявлявшего, что он совершил немыслимые непристойности, и притом самым неестественным образом.

Я заметила, что Оливия неотрывно смотрит на Протея, словно пытаясь решить в уме особо заковыристую логическую задачку. Оливия, как и Боб, собиралась получить двойной

диплом по английскому языку и философии. В отличие от Боба, она шла на диплом первой степени. Ее так заворожил вид Протея, что измученный Кевин рискнул поднять взгляд к ее коленям. В руках он сжимал фрагмент «Хроник Эдракони», которые перевалили уже на четвертый том (мало чем отличавшийся от первых трех).

– Леди Агаруиту, – тихо произнес он, обращаясь ко мне (ибо по неизвестной причине уже давно назначил меня в слушатели), – заточил в башню...

– Какую леди? – перебила Кара, подняв взгляд от какой-то тряпки навозного цвета, которую она извлекла из рюкзака и принялась собирать, невзирая на сосущего младенца.

– А-га-ру-иту, – сердито произнес по слогам Кевин и покраснел, потому что образ Агаруиты был списан с Оливии; конечно, Оливия наверняка не была крестницей королевы драконов, но иногда в самом деле походила на узницу, которую заточил в башню «коварный лорд Лебарон, известный также как Драконобойца».

Протей с чпоканием отсоединился от груди Кары и рассеянно поглядел на потолок, словно пытаясь что-то вспомнить. Кара воспользовалась моментом, чтобы еще раз нырнуть в рюкзак, и на сей раз достала несколько бесформенных свечек тусклых пластилиновых тонов. Некоторые из них были утыканы разной мелочовкой – видимо, в качестве украшения: бобами, чечевицей, мелкой галькой, иногда – листьями. Большинство свечек выглядело так, словно их формовали в жестянках из-под кошачьей еды. Эти свечи были ответом балниддрийской коммуны на текущую чрезвычайную ситуацию.

– Нам пришлось поднять цены, потому что спрос большой, – сказала Кара.

– Спекулянты-капиталисты, наживаются на народной беде, – сказал Шуг.

Я купила у Кары свечку – она мне была очень нужна. Свечка была тяжелая, вполне сгодилась бы проломить кому-нибудь голову.

– А потом сжечь улику, – сказал Кевин. – Гениально.

Оливия не видела Роджера Оззера – он стоял в дверях и украдкой жестикулировал, пытаясь привлечь ее внимание незаметно для всех остальных.

Регбисты у стойки бара вдруг взревели с новой силой – один из них влез на стол и начал медленный, неаппетитный стриптиз. Тут внезапно дали свет, отчего все собравшиеся дернулись и сжались, как ночные звери, вдруг попавшие в лучи фар на дороге. Инженеры помчались к музыкальному автомату, чтобы врубить «Maggie May», и уровень шума в подвале поднялся еще на пару делений.

Оливия наконец заметила Роджера и слегка нахмурилась, исказив идеальное лицо. Но тут же улыбнулась ему, выскользнула в дверь и последовала за ним на небольшом расстоянии.

Регбисты к этому времени выдыхали весь воздух в подвале, и я решила, что лучше уйти, пока люди не начали умирать.

– Я пошла, – сказала я Терри.

Она вышла за мной, сказав, что хочет прогуляться по Хауффу. Хауфф был любимым кладбищем Терри, хотя, когда она была в соответствующем настроении (то есть всегда), ей сошло бы любое. Другие вязали, читали или ходили в горные походы, а Терри увлекалась изучением кладбищ. Она исследовала топографию городов мертвых – Хауфф, Балгей, Восточный некрополь. Смерти не обязательно было являться в дом Терри – та сама ходила к ней регулярно.

Выходя из студсовета, мы миновали коротенькую непримечательную девушку по имени Дженис Рэнд. Дженис тоже ходила на курс творческого мастерства к Марте и писала коротенькие непримечательные стишки, больше всего похожие на водянистые англиканские гимны. Сейчас она поставила в студсовете стол, на котором разложила плохо напечатанные листовки на синей бумаге. Сверху был прикреплен кнопками самодельный плакат, гласивший: «Не забывайте – старики».

От Дженис пахло благочестием и дегтярным мылом. Она недавно обратилась в религию – ее охмурило студенческое христианское братство, adeпты которого рыскали по коридорам общежитских корпусов – Арли, Белмонта и Валмерса – в поисках подходящих кандидатов для обращения (неуверенных в себе, одиноких, брошенных и тех, кому вера нужна была для заполнения пустот на месте личности).

Студенты-христиане творили добрые дела, навещая пожилых и прикованных к дому людей. Дженис пыталась завербовать новых добровольцев.

– Не забывайте – старики... что? – спросила я из любопытства. – Сражались на войне? Знают больше вас? Одиноки?

Дженис скривилась.

– Не «что», – презрительно ответила она. – Просто «не забывайте». Вообще.

Мы направились к выходу, и Дженис завопила нам вслед:

– Иисус может вас спасти!

Впрочем, это прозвучало несколько неуверенно, словно ей казалось, что вот нас-то Иисус, может быть, спасти и не захочет.

– Иисус, Сын Божий! – добавила Дженис на случай, если мы вдруг не знаем. И, не сдаваясь, продолжала: – Он уже приходил нас спасти. И еще раз придет. Может, даже уже пришел.

Тут донесся порыв холодного ветра, входная дверь с грохотом распахнулась, и мы подскочили – особенно Дженис, которая точно поверила на долю секунды, что в помещение студсовета Университета Данди явился Христос. Надо немедленно предупредить Его о том, что здесь не подают горячей пищи! Но это оказался не Он – разве что Он умудрился прийти в образе неопрятного студента из Общества социалистов с ящиком только что отпечатанных листовок – маленьких, розовых, а не голубых, как у Дженис.

– Потому что голубой – цвет неба? – спросила я у нее, но она лишь злобно оскалилась.

Мальчик из Общества социалистов сунул одну листовку мне в руки. На ней было написано: «Остановить войну!» Он попытался дать листовку и Дженис, но Дженис не соглашалась ее брать, если он в обмен не возьмет листовку у нее. Когда мы выходили, они все еще стояли, агрессивно тыча друг в друга листовками.

Нора, которая деликатно храпела у остывшей и подернутой пеплом решетки кухонного очага, просыпается и зевает.

– Я что-нибудь пропустила? – спрашивает она.

– Некоторое количество страха и ненависти, каплю паранойи, много акров скуки, леди Агаруиту в башне. Кучу новых персонажей – теперь тебе придется кое-как навестывать на ходу.

– А драконов не было?

– Пока нет.

У Норы цвет глаз переменчив, как у моря. Сегодня они – мутно-карие, как лужицы на скалах, потому что дует упорный юго-западный ветер, загоняя чаек вглубь суши. На утесах ветер такой сильный, что иногда мы не по своей воле перемещаемся спиной вперед.

В этом соленом воздухе я странным образом чувствую себя как дома. Я в своей стихии.

– Море у тебя в крови, – говорит Нора. – Оно зовет тебя.

Неужели у Стюартов-Мюрреев – невезучих сухопутных крыс, которые пахали холмистую землю Пертшира, – течет в жилах соленая, бродяжья кровь моряков?

– Совсем наоборот, – говорит Нора.

Ибо, судя по всему, Стюартов-Мюрреев обурежала загадочная тяга к воде, но они совершенно не умели на ней держаться. По словам Норы, один Стюарт-Мюррей утонул в ходе битвы при Трафальгаре, один – на «Мэри Роуз», один пошел ко дну с «Титаником» на пути в Аме-

рику, один – с «Лузитанией» на обратном пути в Европу, и был еще один, давно забытый, Стюарт-Мюррей, который, как говорили, утопил в устье реки Форт сокровище короля, хотя что это был за король и что за сокровище, уже не узнать.

Меня удивляет, что Нора рискует выходить в море на своей скорлупке «Морская авантюра». Но, судя по всему, Стюартам-Мюрреям, чтобы утонуть в море, не нужна даже лодка: один из Нориных дядьев, как полагали, погиб в великой и ужасной катастрофе при обрушении моста через Тей – он пролез зайцем в поезд в Уормите, на последней станции перед мостом, под влиянием алкоголя и юношеской страсти к приключениям. А поскольку билета он не покупал, то и в списках погибших не значился.

– Море не только у тебя в крови, – говорит Нора. – Оно у всех в крови. Почему она соленая, как ты думаешь?

Нора смотрит на море через огромный бинокль времен Первой мировой, который притащила с собой. Она говорит, что бинокль раньше принадлежал ее брату. Брату? Она никогда не упоминала никакого брата.

– О да, – небрежно говорит она, – у меня была куча братьев и сестер.

– Воображаемых?

– Настоящих, – отвечает она и принимается считать на пальцах. Дуглас, Торкил, Мердо, Гонория, Элспет... и это только те, что умерли еще до ее рождения. По-видимому, Стюарты-Мюрреи – исключительно неудачливая семья.

– Это еще что, – мрачно говорит она в ответ на мое замечание. – Это ничто по сравнению с тем, что случилось позже.

Меж Эдинбургом и Данди есть города

У меня есть глиняная грелка. Я заворачиваю ее в старый свитер и по ночам прижимаю к себе в тщетной попытке согреться. Очень трудно спать, когда тьма столь всеобъемлюща – ее лишь изредка пронзает крупница звездного света или слабый лунный луч.

Я вспоминаю бесчисленные ночи своего детства, когда Нора оставляла меня одну и шла в какой-нибудь очередной паб или отель, куда ее взяли работать на сезон. Я прямо вижу ее тогдашнюю и чую запах ее дешевого одеколона «Ландыш». Она целует меня на ночь: буйные волосы уложены высоко, как мороженое в рожке, что продается на курортной набережной, а фигура подчеркнута откровенным нарядом барменши или, наоборот, скрыта суровым одеянием официантки. Помню как сейчас – она склоняется ко мне и шепчет на ухо, просит быть хорошей девочкой: не вылезать из кровати, не играть со спичками, не давиться конфетами и поднимать крик, если на меня вдруг нападет страшный незнакомец, маньяк-душитель или насильник, влезший через окно спальни. Нора всегда боялась худшего.

– По опыту, – мрачно говорит она.

Мы дрейфовали вдоль побережья – прилив приносил нас и уносил, словно плывник, и все наше время делилось на приезды и отъезды (или отъезды и приезды, смотря как посмотреть). Я с детства разбиралась в пляжных павильонах, зимних садах и мини-полях для гольфа. Может, мне и не так уж хорошо давалось спряжение иностранных глаголов и тонкости из жизни дробей, зато я всегда на зубок знала таблицу приливов. Таланты Норы (пианино, французский язык, шотландские народные танцы) не годились для серьезной работы, зато она всегда могла устроиться в очередной паб «Отдых моряка» или кафе «Орлиное гнездо».

Нора обычно жила там же, где работала, поэтому «домом» был какой-нибудь холодный чердак гостиницы или щелястая комнатка над баром, где в наш сон просачивались запахи общепита и прогорклого пива, смешиваясь с ароматом мокрого (стиранного вручную) белья, сохнущего в опасной близости к бойлеру. Мы перебивались чужими объедками – солеными орешками, оливками и коктейльными вишнями из рюмочных и баров, – и остатками ресторанной еды, вроде ошметков свадебного трайфла со дна посуды и заветренных канапе, оставшихся после ужинов с танцами. И бесконечная рыба с жареной картошкой, в укусном аромате спешки, когда Нора торопилась на работу.

Неудивительно, что, куда бы мы ни приехали, я искала подруг из более обширных семей с более традиционным составом. Эти девочки жили в обычных домах (полуотдельных, постройки тридцатых годов, с участком приличных размеров). Их матери не работали, а сидели дома, как положено искони. Их отцы (бухгалтер, бакалейщик) были на месте. Еще у них были по меньшей мере одна сестра или брат, бабушка, пес, одна-две тети. Жизнь этих семей проходила за кипячением чайников, спусканием воды в унитазах, ответами на телефонные звонки (*ad infinitum, ad nauseam*)⁵⁵.

Но вечно повторялось одно и то же – стоило лишь очередной семье привыкнуть к моему постоянному приветливому, угодливому присутствию, как Нора вновь срывалась с места. И вот мы уже трясемся в автобусе, переезжая в очередной приморский городок – с виду копия предыдущего. Можно подумать, что мы от кого-то убегали. Разумеется, так оно и было.

Я просыпаюсь среди ночи с ощущением, что не помню, кто я. Нормально ли это? Почти наверняка нет. Дикие сиамские кошки дают кошачий концерт, – должно быть, от их маниакальных завываний бегут мурашки по хребту у всех позвоночных на острове, живых и мертвых. Может быть, кошки заняты приумножением своего кровосмесительного стада.

⁵⁵ До бесконечности, до тошноты (лат.).

– Дьяволово отродье, – бодро говорит Нора наутро, мешая водянистую овсянку для завтрака древней деревянной палкой-мешалкой. Затем, вываливая порцию каши в стоящую передо мной миску: – Ну давай дальше. Что было потом?

Едва слышный вызывающий вопль «Иисус спасет вас!» еще летел нам в спину, а мы вяло плелись по Нижней улице. Пронизывающий ветер тащил по улице мусор, песок и изредка – розовое пятнышко листовки. Мелкий дождь шотландских нагорий – словно облако водяной пыли из опрыскивателя для растений – падал не в той метеорологической зоне, для которой был предназначен.

Терри хотела зайти в аптеку в «Моргановской башне» за бутылкой коллис-брауновской микстуры, намереваясь выпарить ее на плите (заляпав при этом все кругом) и повергнуть себя в еще более глубокую летаргию. Я же собиралась в университетский книжный магазин за методическим пособием к «Мидлмарчу».

В этот момент на тротуаре через дорогу внезапно образовалась собака (они это умеют!). Заметив, что мы на нее смотрим, она изобразила на морде дружелюбие и потрусила к нам, словно через поле, а не через проезжую часть. В этот самый миг «форд-картина» 1963 года вылетел (насколько «форд-картина» способен вылететь, конечно) из-за угла, неотвратимо направляясь именно туда, где находилась собака. Увидев это, Терри рванулась на дорогу, чтобы спасти пса.

В этот момент нарративное предопределение (страшная сила) взяло управление на себя. Сценарий «машина – собака – девушка» (бегущая трусцой собака, стремительная машина, глупая девушка) мог кончиться только слезами; «картина» вильнула в последний момент, огибая Терри, но не могла объехать собаку. Я закрыла глаза...

...и когда открыла их снова, машина стояла, а Терри сидела на краю тротуара, и голова собаки лежала у нее на коленях. Терри была в целом не слишком привязана к роду человеческому, но, как ни странно, любила животных, особенно собак: ее практически вырастил семейный пес (большой доберман по кличке Макс).

Пес, который сейчас недвижно покоился у нее в объятиях, – большая желтая дворняга – цветом шкуры напоминал старого затрепанного плюшевого медведя или полудохлого верблюда. Человек, готовый сбить собаку, чтобы спасти женщину, вылез из машины и потопал к этой кинологической «Пьете», на ходу оглядев бампер. Он оказался мужчиной плотного сложения – вроде вышибалы на дешевой дискотеке. Тыльные стороны его рук покрывала густая шерсть: казалось, что под мятым костюмом у него надет другой, маскарадный костюм шимпанзе. Водитель неловко наклонился, чтобы поближе разглядеть собаку, и штанины задралась, обнажив чудовищно волосатые лодыжки. Дешевая материя костюма – цвета молочного шоколада – туго обтянула мясистые бедра.

– У меня нет времени! – произнес он. – Чертова собака! Смотреть надо, куда бежишь! – И добавил чрезвычайно раздраженно: – Я опаздываю! Уже опоздал!

Собака тем временем не реагировала на внешние раздражители – она лежала так неподвижно и безжизненно, что вполне могла бы быть искусно сделанным чучелом, выставленным на потеху толпе, которая уже начала собираться. Терри стала делать псу искусственное дыхание, с необычным для нее упорством вдувая жизнь ему в пасть, явно унаследованную от овчарки.

– О боже... – сказал у меня за спиной дрожащий голос. – Могу я чем-нибудь помочь?

Голос принадлежал профессору Кузенсу, который размахивал большим зонтиком с ручкой в форме утиной головы. Этому человеку явно грозило стать карикатурой на самого себя.

Скрипя суставами, он наклонился к собаке и стал как мог способствовать ее оживлению, почесывая ей пузо, покрытое жесткой шерстью и розовое, как сахарная глазурь на торте.

Зеваки перешептывались, серьезно обсуждая наилучшие способы воскрешения дохлого пса. Их рекомендации варьировались от «дать ему вкусняшку» до «дать ему взбучку».

Однако вампирское дыхание Терри, попав в легкие собаки, по-видимому, сотворило чудеса. Желтый пес медленно возвращался к жизни, начиная с дальнего конца, то есть с хвоста, похожего на хвост гигантской крысы. Хвост начал медленно и тяжело биться об асфальт. Затем пес вытянул задние ноги, сгибая и разгибая ненормально длинные пальцы, оканчивающиеся большими, как у ящера, когтями. Наконец пес тихо вздохнул, открыл глаза, поднял голову и огляделся. Кажется, его приятно удивило количество прохожих, заинтересованных его самочувствием. Он энергичней заколотил хвостом, и зрители разом заплодировали такому Лазареву воскрешению. Пес поднялся на ноги – нетвердо, как новорожденный теленок антилопы гну. Мне показалось, что он сейчас поклонится публике, но я ошиблась.

Терри глядела на пса подозрительно.

– У него, наверно, шок, – сказала она. Маленькое бледное личико осунулось от беспокойства. – Все равно надо отвезти его к ветеринару.

– Шутишь! – воскликнул водитель «картины». – Я уже полчаса как должен быть в другом месте.

Терри зашипела, как злобный чайник, обнажив острые зубки. Пес – скорее в удивлении, чем в шоке, – терпеливо ждал, пока противоборствующие стороны решат его судьбу. Наконец сдался водитель «картины»:

– Ладно, садитесь, только быстро, я очень сильно опаздываю.

Он принялся торопливо запихивать нас всех в машину.

Машина, которая явно не видывала лучших дней, была ржаво-белая (больше ржавчины, чем белизны). Я влезла на заднее сиденье, за мной последовали Терри и пес, который кое-как забрался в салон и настоял, чтобы его посадили между нами. Профессор Кузенс бодро уселся впереди; похоже было, что машина для него – чрезвычайно новое и интересное изобретение.

– Поедем кататься! Как весело! – воскликнул он и протянул руку водителю. – Профессор Кузенс, рад встрече. А вы?

Водитель «картины» ответил неохотно, словно все, что он говорил, могло быть впоследствии использовано против него:

– Чик. Чик Петри.

– Зовите меня Гавриилом, – заулыбался и закивал профессор Кузенс.

– Но ведь вас вовсе не так зовут?

Меня очень удивила внезапная мутация имен профессора, которого обычно звали Эдвард Невилл. Но он только бодро улыбнулся и сказал:

– Почему бы и нет?

Чик подхватил:

– Да, что в имени тебе моем и все такое, а, проф?

– Совершенно верно! – просиял улыбкой профессор. – Вижу, мы с вами понимаем друг друга.

– Профессор, э? Мое-то детство прошло в людях. Жизнь – вот мои университеты.

– И я уверен, что это был весьма разносторонний и глубокий курс обучения! – воскликнул профессор Кузенс.

– Да уж, я кой на чем собаку съел, – мрачно заметил Чик.

Терри зажала псу уши ладонками. Чик завел мотор, и салон машины тут же стал наполняться странным запахом – сладковатым, но тухлым, вроде гниющей клубники и разлагающейся дохлой крысы. Но не успели мы прокомментировать эту атаку на наши обонятельные органы, как Чик съехал с тротуара, тряхнув нас всех, и влился в поток не глядя – какофония автомобильных гудков полетела нам вслед по Нижней улице.

Профессор сказал, что ветеринар есть в верхнем конце Южной Тей-стрит, и неопределенно махнул рукой себе за спину, но не успел он произнести эти слова, как мы уже проехали поворот и все быстрее неслись по круговой развязке, что на Ангус-роуд. Ощущение было как на аттракционе «Автодром». Несколько секунд – и мы уже с ревом приближаемся к автомобильному мосту. Терри закричала, что мы едем не в ту сторону, и Чик крикнул в ответ:

– Для вас, может, и не в ту, а я еду, куда мне надо!

Он не остановился даже, чтобы заплатить за проезд по мосту, – с привычной сноровкой притормозил у будки, на ходу сунул деньги сборщику и вылетел на длинный прямой отрезок моста. Я подумала, что мы попали в руки маньяка. Терри наклонилась вперед и ткнула Чика острым пальцем в шею.

– А к ветеринару?

– С этой псиной все в порядке, – буркнул Чик, взглянув на пса в зеркало заднего вида.

И правда, пес, теперь само здоровье и бодрость, сидел между нами и живо интересовался происходящим, как заправский «водитель с заднего сиденья». Но запах в машине усилился – зловоние росло с каждой минутой, что мы проводили в пути.

– Что это? – спросил профессор Кузенс.

– Что «это»?

– Чем это пахнет?

Чик втянул полную грудь воздуха, будто наслаждаясь озоном на морском берегу.

– Виндалу, – сказал он. Подумал пару секунд и добавил: – И кошка.

– Кошка? – с тревогой отозвалась я.

– Без паники, – сказал Чик, – онадохлая.

– Мы не хотим с вами ехать, – мрачно заявила ему Терри.

– Похищение? – весело воскликнул профессор Кузенс. – Как интересно! Потом будет что рассказать.

Терри вцепилась всей пятерней в грязно-желтую шерсть. Лицо у нее мало-помалу зелело.

– Это преступление, знаете ли, – не отставала она. – Захватывать людей против их воли. За это сажают.

Чик презрительно фыркнул и сказал, что по-настоящему серьезные преступники, которые кого-нибудь убили, покалечили и так далее, не в тюрьме сидят, а гуляют на свободе – в Бразилии, Аргентине «...или даже в Файфе». В его словах звучала горечь – видимо, что-то личное.

– Это меня не интересует, – не отставала Терри. – Выпустите нас.

– Как хочешь, – пожал плечами Чик, – валяй.

С этими словами он просунул руку назад и открыл заднюю дверцу, при этом временно потеряв управление машиной.

– Маньяк чокнутый! – огрызнулась Терри и укусила его за руку. (Именно так происходят аварии.)

Казалось, Чика это несколько не задело – у него был вид человека, привычного к частым словесным и физическим оскорблениям. Он только снова прибавил скорость и ласково похлопал по приборной панели:

– Старая добрая «единичка», стандартная комплектация, тысяча двести кубиков. Делает до семидесяти шести миль в час.

Мы доехали до конца моста.

– Королевство Файфское! – провозгласил профессор, словно мы въезжали в некую волшебную страну.

– Царство хюхтер-тюхтеров, – фыркнул Чик.

– Сент-Эндрюсский университет, моя альма-матер! – мечтательно произнес профессор.

– А мне казалось, вы говорили, что учились в Кембридже, – удивилась я.

Лишь несколько часов назад он с упоением рассказывал мне про майские балы, плоскодонки, привратников и прочие приметы быта учащейся молодежи, неслыханные в Данди.

– Говорил? – переспросил он.

– Мы не едем в университет, – торопливо встрял Чик. – Я вам не такси. И я, черт побери, опаздываю.

– Куда? – спросила я.

– На наружку. – Последнее слово прозвучало с отчетливой неприязнью.

– Наружку? – повторила я.

– Да, наружное наблюдение. За людьми.

– Я знаю, что значит «наружка». Просто вы как-то не похожи на человека, который за кем-то следит.

Он вытащил из внутреннего кармана визитную карточку и протянул мне. Плохо напечатанная засаленная карточка гласила: «Бюро частных расследований „Премьер“! Выполним любые задания, не спрашивая лишнего». Надо же, кто бы мог подумать! Оказывается, Чик – частный детектив.

– Частный сыщик, – задумчиво произнес профессор Кузенс.

Чик не обратил на него внимания и нервно поглядел на часы:

– Я ее упусти, блин.

– За кем же вы наблюдаете? – спросил профессор.

– За одной бабой. Ревнивый муж, все дела. – Он закурил сигарету (устрашающее зрелище на скорости, с которой мы неслись). – Муж, конечно, псих. Как обычно.

– Значит, вам не зазорно делать такую работу? – спросил профессор. – Я имею в виду – с этической точки зрения.

– Зазорно? – эхом отозвался Чик.

Профессор засмеялся:

– Чем больше повторяешь слово, тем страннее оно звучит, правда? «Зазорно» – одно-коренное с «позор», что в старину означало просто «зрелище». Например, «невежества губительный позор».

– Потрясающе, Гавриил, – сказал Чик настолько невыразительным тоном, что я не могла понять, сарказм это или он говорит серьезно.

Я подалась вперед, чтобы обратиться к Чика с вопросом, и окунулась в аромат тела мужчины средних лет – «Олд спайс», пот и выдохшееся крепкое пиво. Я не могла не отметить, что от профессора Кузенса едва заметно пахнет розовым маслом.

– Вы за мной следите? – спросила я у Чика.

Он удивленно поднял брови, уподобив свой лоб резиновой гармошке, и презрительно сказал:

– С какой стати я буду за тобой следить?

– Бедная девочка думает, что за ней следят, – услужливо разъяснил профессор Кузенс.

Чик окинул меня оценивающим взглядом в зеркало заднего вида и спросил:

– В самом деле?

– Нет, я это просто придумала, – сказала я, потому что мне очень не хотелось верить в обратное.

– Бедный Кристофер – доктор Пайк – тоже думал, что за ним следят, – вздохнул профессор Кузенс. – И вот видите, что с ним случилось.

– А что с ним случилось? – спросил Чик чуть погодя, когда стало ясно, что профессор не собирается продолжать.

– Несчастный случай, совсем как с нашим общим другом. – Профессор указал на пса, который наострил ухо, показывая, что знает: мы говорим о нем.

– И вы подозреваете, что это был не случай? – спросил Чик.

Профессор засмеялся:

– О, в этом я не сомневаюсь! Сотрудники моей кафедры известны своей предрасположенностью к несчастным случаям. Какой день ни возьми, половина их окажется в больнице. Скоро в университете вообще никого не останется.

– Профессор Кузенс думает, что его хотят убить, – сказала я Чик.

– Вы просто отличная парочка, – саркастически заметил Чик. – Один думает, что его хотят убить, а другая – что за ней следят. А уж принцесса-несмеяна на заднем сиденье... Вы ведь знаете эту присказку?

Последние слова были обращены к профессору.

– Нет, какую?

– Даже если вы параноик – это не значит, что за вами не охотятся.

– Частный сыщик, – задумчиво произнес профессор Кузенс. – «Жил в Данди один частный сыщик, / Твердил он: „Смотри на часы, Чик“...»

– А это далеко? – спросила себе под нос Терри. – То место, куда мы едем?

– Да уж недалеко, – загадочно отозвался Чик.

Наконец мы прибыли на место – может быть, в Купар, но я не обращала внимания на дорожные указатели. Во всяком случае, это место было очень похоже на Купар. В Файфе светились окна домов – жители жгли драгоценное электричество в лампах дневного света, пытаясь разогнать зимний послеобеденный Сумрак. Чик остановил машину на приятной улочке, обсаженной деревьями и застроенной отдельными и полуотдельными пригородными виллами. Он заглушил мотор, откинулся на сиденье и закурил очередную сигарету.

– Так что, Чик, – профессор Кузенс потер руки в предвкушении, – это засада? Что теперь? Вы просто будете сидеть тут и следить за дверью, а если эта женщина выйдет, то поедете за ней?

– Что-то вроде этого.

– А откуда вы знаете, что не упустили ее? – спросила Терри. Поскольку мы уже не ехали, она немного ожила.

– Ниоткуда, – буркнул Чик.

– А разве вам не полагается термос с горячим бульоном? – спросила я. – И кроссворды, и записи классической музыки?

– А фотоаппарат? – живо спросил профессор Кузенс. – А бинокль? А блокнот? А газета, чтобы за ней спрятаться?

Чик извлек из кармана «Беговые новости» и помахал перед носом у профессора:

– Знаете, Гавриил, все совсем не так. Это вы кино пересмотрели.

– Напротив, Чик, – печально возразил профессор, – я слишком мало в своей жизни смотрел кино.

Прошло несколько минут созерцательного молчания, и Чик сказал:

– Вообще-то, я всяких странностей навидался на этой работе, Гавриил. Хоть роман пиши.

– Я уверен, что вы могли бы написать роман, – отозвался профессор Кузенс с (совершенно излишним, на мой взгляд) энтузиазмом.

– Говорят, у каждого человека внутри сидит роман, а? – сказал Чик, слегка оттаяв.

– Вот и пусть себе сидит там, внутри, – огрызнулась Терри.

Чик в ответ сказал что-то нелестное про студентов. Выходило, что он не для того платит налоги, чтобы мы могли дни напролет бездельничать, вступая в беспорядочные половые связи и употребляя наркотики.

– Не думайте, что я вам не благодарна, – отрезала Терри, и Чик отрезал в ответ:

– Ну и пойді засунь голову в шкаф!

В машине было слишком тесно для ссор – из присутствующих это понимал по крайней мере пес: он вдруг испустил гигантский моржовый вздох скуки, покрутился на месте в тщетной попытке расчистить пространство между мной и Терри, тяжело плюхнулся на сиденье и закрыл глаза.

– Он, случайно, не умер? – спросила Терри с беспокойством и осторожно потыкала пса пальцем.

Пес открыл один глаз и задумчиво взглянул на нее.

– Сидите уже тихо! – раздраженно сказал Чик. – Вы привлекаете внимание.

– Чик, вы женаты? – спросил профессор через некоторое время, желая поддержать разговор.

– А вам какое дело? – оскалился Чик.

– Я просто спросил.

– Я свободен как ветер, – небрежно сказал Чик.

– О, как и все мы, – засмеялся профессор.

После паузы Чик произнес:

– Чертова баба, чертова Мойра, чертова стерва! Все забрала – дом, мебель, детей. Хотя их-то не жалко, сраных сопляков.

Мне вспомнился доктор Херр – его бывшую жену тоже звали Мойра. Уроженка Абердина, ученый-химик с нечеловеческой выдержкой. Она как-то умудрилась пробудить в себе толику человеческих чувств – ровно столько, чтобы хватило подать на развод. Это наверняка единственное, что могло быть общего между Чиком и Херром.

Чик с выразительным вздохом отложил «Беговые новости», потушил сигарету, откинулся назад и закрыл глаза со словами: «Не давайте мне заснуть».

Он мне кого-то напоминал, и я пыталась понять, кого же.

– Ты смотришь на меня, – сказал он, не открывая глаз.

– Я просто пытаюсь понять, кого вы мне напоминаете.

– Я один такой, – сказал он. – Господь разбил форму, в которой меня отливали.

Пошел дождь. Тяжелые капли барабанили по крыше машины.

– Боже, какая погода! Хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, – прокомментировал профессор.

Пес заинтересованно повел ушами, но не удосужился проснуться. Интересно, как подобные погодные явления влияли на экономику Тара-Зантии?

Струи бежали по ветровому стеклу, и мы уже не видели улицу. Терри спросила Чика, почему он не включит дворники. Почти не меняя позы, Чик подался вперед и нажал на кнопку. Дворники заскрипели и ожили. Они медленно поползли по стеклу, издавая чудовищный звук – словно кто-то скреб ногтями по грифельной доске.

– Вот поэтому, – сказал Чик, выключил дворники и снова закрыл глаза. – А теперь как насчет держать рот на замке и глядеть на дом, не отрывая глаз?

– Какая ужасная мысль, – пробормотал профессор Кузенс.

Воздух в машине был влажный и плохо сочетался как с запахом псины, так и с исходной ядовитой вонью, которая к этому времени трансформировалась в аромат гниющей шерсти, плесени и грибов. Я подумала – хорошо, что у Чика машина не отапливается, а то в ней непременно зародились бы новые формы жизни. Но все же было дико холодно, и я радовалась соседству большой, теплой, вонючей собачьей туши.

– У тебя, часом, нету смешного покурить? – вдруг спросил меня Чик.

– Нет, извините.

– Жаль.

– Можно поиграть, – с надеждой предложил профессор Кузенс.

– Поиграть? – подозрительно повторил Чик. – Как?

– А как нет? – ответил профессор, неожиданно демонстрируя знание местных языковых оборотов.

– В покер, что ли?

– Нет, Чик, я думал скорее об игре в слова. Например, в пары – когда берешь одно слово и делаешь из него другое. Превращаешь «слона» в «муху».

Все непонимающе смотрели на него.

– Ну вот, например, можно превратить «миг» в «час»: миг – маг – май – чай – час. Видите? Теперь вы попробуйте – «пса» в «кота».

Пес испуганно поднял голову. Терри стала гладить его, чтобы он опять заснул. Профессора Кузенса очень удивило, что мы не можем понять сути игры в пары.

– Эту игру, между прочим, изобрел Льюис Кэрролл, – сказал он с заметной грустью.

– Это ведь он был любитель маленьких девочек? – спросил Чик.

– Я поеду в Алит афишировать антисанитарный алкоголизм, – сказал профессор.

Чик с опаской взглянул на него:

– Мы не едем в Алит.

Профессор засмеялся:

– Нет-нет, это еще одна игра. Нужно назвать город, куда едешь, и то, что там будешь делать, – все на одну и ту же букву алфавита. Например: «Я поеду в Блэргаури брить блеющих баранов».

Профессор сделал еще одну попытку:

– Я поеду в Купар квасить кочанную капусту.

– А давайте лучше мы все поедем в Данди, – пробормотала Терри.

– И что мы там будем делать? – Профессор улыбнулся, ожидая ответа.

Тут все – кроме профессора и пса – утратили выдержку, и ситуация вышла из-под контроля, особенно когда Чик предложил Терри поехать в Вестеркерк и сделать там нечто непечатное с высушенной выдрой.

Воцарилась тишина, но минут через десять Терри сказала:

– Я есть хочу.

– А я бы не отказался посетить комнатку для мальчиков, – подхватил профессор Кузенс.

– Мальчиков? – повторил Чик, искоса взглянув на него.

– И еще здесь ужасно неудобно сидеть, – пожаловалась Терри.

Мне пришло в голову, что, наверно, я сейчас испытываю полную гамму ощущений, характерных для семейной вылазки на машине. Судя по всему, мимо меня прошло очень много аспектов жизни нормальной семьи. Только вместо нормальной семьи – матери, отца, сестры, бабушки и золотистого ретривера в «воксхолл-викторе» – мне подсунили эту странную пеструю компанию, которую не роднит ни кровь, ни любовь.

– Здесь нет ничего съестного? – с надеждой спросил профессор, открыл бардачок и стал вытаскивать оттуда разнообразные предметы: колоду потрепанных игральных карт, на которых красовались крупные женщины разной степени раздетости («Потрясающе интересно», – пробормотал профессор), пару наручников, бумажный пакет сплюснутых пирожных – «папоротниковых корзиночек» из пекарни Гудфеллоу и Стивена, моток бельевой веревки, большой кухонный нож и полицейское удостоверение с фотографией, на которой был Чик – только менее мясистый и менее лысый.

– Только не спрашивайте, как мне удалось его заначить, – сказал Чик.

– Как вам удалось его заначить? – немедленно спросила Терри.

– Иди нафиг. – Чик запихал все обратно в бардачок, кроме пирожных, которые разделил между сидящими в машине.

– Так, значит, Чик, вы служили в полиции? – спросил профессор Кузенс, а затем обернулся к нам, ухмыльнулся и сказал: – «Легаый», верно? – будто мы нуждались в переводе.

По словам Чика, не самого надежного из рассказчиков, он был детективом-инспектором до некоего недоразумения, которое случилось на отдыхе в Лансароте и из-за которого он попал в беду.

– Если бы стерва не разевала пасть, все бы обошлось, – сказал Чик.

«Стерва», как выяснилось, жила сейчас в Эрроле, в новом доме – этот дом служил любовным гнездышком ей и ее новому «хахалю», который, как утверждал Чик, находился у нее на содержании, а с девяти до пяти оценивал потери для страховой компании. Чик злобно отпартовал, что у содержанца густая шевелюра и новенький ярко-желтый «Форд-капри 3000» и он считает себя пупом земли. Стерва, содержанец и сраные сопляки вступили в заговор с целью погубить и разорить его, Чика.

– Собачья жизнь у вас, Чик, – сказал профессор Кузенс и сочувственно похлопал Чика по волосатой руке.

Чик отдернул руку и невнятно буркнул что-то про голубеньких. Я не могла не заметить, что у Чика брови почти срослись на переносице – верный признак волка-оборотня. Во всяком случае, так говорила мне Нора.

– Толкните меня, если глаз за что-нибудь зацепится, – сказал Чик.

Профессора передернуло, а Чик, кажется, тут же уснул. Скоро и сам профессор захрапел на переднем сиденье. Взглянув на Терри, я увидела, что она впала в свою обычную нарколепсию. Я развлекалась, наблюдая за чинной пригородной жизнью – матери толкали коляски, старушки подметали дорожки перед домом. Через полчаса из дома, за которым мы должны были следить, вышла женщина. В ней не было ничего от блудницы Иезавели, – наоборот, она выглядела, если можно так выразиться, замечательно обыкновенной. Лет тридцати, с короткими каштановыми волосами, в неприметном плаще. В руке она держала обычную сумку, с какими ходят в магазин. Казалось, она собирается по хозяйственным делам, а вовсе не к любовнику на тайную встречу. Она поздоровалась с другой женщиной, выгуливающей лабрадора, а потом села в «хиллмен-имп», припаркованный у бордюра, и уехала. Я не стала будить Чика. Решила, что эта женщина имеет право ездить куда надо без помех со стороны совершенно незнакомых людей. (Впрочем, разве бывают частично незнакомые люди?)

Чик вдруг хрюкнул, посмотрел на часы и сказал:

– Ну хватит. Пора ужинать. Фиш-энд-чипс, а?

И тут я поняла, кого он мне напоминает. Как Призрак Грядущего Рождества, Чик был вылитый Боб – каким он будет в этом возрасте.

Чик завел мотор, и Терри приняла неловкую позу манекена для аварийных испытаний. Мы остановились у первой же лавочки, где продавали рыбу с жареной картошкой, и профессор сказал:

– Позвольте мне заплатить! Я так прекрасно провел время!

– Очень любезно с вашей стороны, Гавриил, – сказал Чик, преисполняясь дружелюбия при виде чужого бумажника. – В таком случае возьмите мне двойную рыбу.

– Это в противоположность... очень одинокой рыбе? – туманно переспросил профессор.

– Ха, ха, ха, блин, – сказал Чик и засунул в рот маринованное яйцо целиком.

Я думала, что мы теперь поедем домой, но Чик, не доезжая моста, вдруг свернул в Нью-порт-на-Тее и остановился на какой-то улице напротив подъездной дорожки к дому. Дорожка изгибалась и скрывалась в лавровых зарослях. Через некоторое время с нее выехала машина – тот же самый «хиллмен-имп», с той же непримечательной женщиной за рулем. Может быть, Чик задействовал нечто вроде шестого чувства, вместо того чтобы просто следовать за объектом. Женщина уехала в направлении Уормита, а на дорожке появилась из-за кустов еще одна машина – медленно движущийся катафалк, нагруженный гробом. За ним ехала одинокая легковушка. При виде катафалка Терри заметно повеселела.

- Кто-нибудь знакомый? – сочувственно спросил профессор Кузенс, кивнув на катафалк.
- Не близко, – равнодушно ответил Чик.

Мы двинулись прочь – медленно, будто следуя за катафалком, – и я заметила вывеску у самого начала дорожки: «Якорная стоянка. Дом вдали от дома. Резиденция для пожилых людей».

Я сообщила профессору Кузенсу, что здесь живет мать Арчи Маккью.

- Правда? Вот уж не подумал бы, что у него есть мать, – отозвался он.

Перед круговой развязкой у въезда на мост я увидела на обочине голосующую фигуру в капюшоне.

- У нас нет места, – запротестовала Терри, когда Чик притормозил.

Автостопщик, скрытый капюшоном, подбежал к задней двери «кортины». Он был похож на зловещую фигуру из городских баек – однажды водитель подобрал автостопщика, а тот убил всех, кто был в машине, а потом поехал дальше с полным багажником трупов, а потом подобрал красивую девушку, которая голосовала на дороге, потому что ее бросил парень, а ей надо было добраться до дому, и т. д. и т. п. Меня удивило, что из Чика так неожиданно забил фонтан «молока сердечных чувств», но, может быть, он узнал юную и невинную версию себя, ибо это оказался не кто иной, как...

- Боб! – воскликнула я.

- Засуньте его в багажник, – торопливо сказала Терри, но было поздно.

Боб уже втискивался рядом со мной – к особенному возмущению пса, который понимал, что в «картину» столько народу не влезет. Когда мы наконец расселись, пес оказался у Терри на коленях, – возможно, лучше было бы наоборот, так как он несколько превосходил ее размерами.

- Что ты тут вообще делаешь? – спросила я у Боба.

- Я у тебя то же самое могу спросить, – неинформативно ответил он.

Оказалось, что он ехал в Балниддри поотвисать с Робинсом, сел не на тот автобус и вместо Балниддри оказался в неведомых дебрях Файфа.

– Сбой транспортера, – объяснил он, ныряя глубоко в карман пальто и извлекая оттуда шоколадный батончик.

Мы уже почти пересекли мост. Под нами текла река Тей цвета мокрого грифеля. Данди все приближался. Профессор Кузенс удовлетворенно вздохнул и сказал:

- Вот это денек выдался.

- Он еще не кончился, – поправил Чик.

Катафалк оказался на месте гораздо раньше нас, так как Чик явно не знал понятия «кратчайший путь» и по прибытии в Данди отклонялся от курса еще несколько раз. Он заезжал в лавчонки букмекеров, в «Золотую сковороду» за пищей, жаренной во фритюре, и так далее. Наконец «картина» остановилась, въехав двумя колесами на тротуар, у бара «Феникс», недалеко от того места, где сбила пса. Профессор Кузенс взглянул на вывеску, гласящую «Испей, чтобы преодолеть ума смятение» (очень маловероятная перспектива, на мой взгляд), и задумчиво сказал Чиксу на своем странном шотландском:

- Пойдем изопьем расстанную, а?

Но Чик уже выскочил из машины, перебежал Нижнюю улицу и взлетел по ступенькам к дверям католической церкви.

- Куда он делся? – пробормотал профессор, вглядываясь в залитое дождем стекло.

- В церковь. Кажется, он пошел в церковь, – осмелилась предположить я.

– А я бы его не принял за верующего, – вслух размышлял профессор, – хотя он весьма склонен к философии, а?

У церкви стоял катафалк. Конечно, они все с виду одинаковые, но мне показалось – тот самый, от «Якорной стоянки».

– Похоже, он пошел на похороны, – сказала я.

Через десять минут Терри произнесла:

– Как ты думаешь, может, с ним что-нибудь случилось? Не то чтобы меня это волновало, но все же.

– Кто он такой вообще? – спросил Боб; как обычно, его любопытство сработало с большим замедлением.

– Филер, – со вкусом произнес профессор.

– А?

– Частный сыщик, – объяснила я.

– Ух ты.

Далее вышел несвязный разговор, в ходе которого Боб случайно проболтался, что изучает английский в университете (до определенной степени). Профессор Кузенс очень удивился, так как никогда раньше не встречал Боба.

– Ну, я вроде как... подпольно учусь, – сказал Боб, но это ничего не прояснило.

Прошло еще десять минут, и мы с Терри решили пойти посмотреть, куда делся Чик.

Церковь напоминала ТАРДИС – внутри она была гораздо больше, чем снаружи. Ее наполнили шумы, идущие неизвестно откуда, – отдающиеся эхом шаги и тихий кашель, словно по всему зданию за перегородками и в криптах прятались люди. Гроб виднелся в другом конце прохода размером со взлетную полосу аэропорта. Скорбящих было мало – они стратегически рассредоточились по океану скамей и все повернулись посмотреть на нас, когда мы вошли. Мы сели поближе к выходу, и Терри слегка подтолкнула меня локтем, выражая восторг по поводу того, что мы попали в такое замечательное место.

Электричества не дали, и церковь освещалась множеством свеч. Покойницу отпевал старый и грузный священник – черная ряса в пятнах обтягивала большой живот, откормленный трудами экономки. Заупокойная служба была сложной, загадочной и имела как-то мало отношения к собственно покойнице, которую, как выяснилось, звали Сенга.

Я заметила на женской стороне церкви Дженис Рэнд. Она была с подругой из христианского общества – непривлекательной девушкой с зачатками алопеции и в очках с толстой оправой. По виду подруги сразу становилось ясно, что она провела всю юность в молодежном кружке при церкви, играя в настольный теннис и бренча благочестивые песни на акустической гитаре. Дженис держала в руках дамскую сумку, похоже принадлежавшую еще ее матери, с полублупившейся наклейкой, изображающей спасательную шлюпку.

Впереди, ближе к алтарю, сидели кучкой старухи – вероятно, подруги Сенги. Некоторые сжимали в руках хозяйственные сумки, словно забежали в церковь между делом по дороге из магазина.

В воздухе висело ощутимое мрачное облако, – казалось, оно исходит от гроба. Может быть, когда умирают несчастные люди, они испускают некое подобие депрессивной ауры, вроде болотного газа? Интересно, подумала я, что происходит с молекулами, составляющими тела мертвецов. Может, они сидят в засаде и ждут, пока их вдохнет какой-нибудь прохожий? Я закрыла рот и нос рукой, наподобие хирургической маски, чтобы не вдохнуть часть Сенги.

Отпевание как-то само собой сошло на нет, и скорбящие с шорохом и шарканьем выбрались с мест, оставив гроб на произвол судьбы. Дженис Рэнд прошла мимо, никак не показывая, что мы знакомы. Тут включили электричество. В резком свете ламп церковь выглядела не так красиво.

– Что вы здесь делаете? – воскликнул Чик, увидев нас, а потом посмотрел на часы и сказал: – Черт! Неужто уже столько времени!

Он тут же возвел очи горé и испросил прощения за сквернословие. Торопливо перекрестился и ринулся вон из церкви.

Удивленные таким внезапным бегством, мы пошли за ним не сразу. Оказавшись наконец снаружи, мы увидели, что Боб и профессор Кузенс извергнуты из «кортины», а сама она уже отчаливает от тротуара, нахально втираясь меж других машин. Сонная морда пса мелькнула за задним стеклом. Я была почти уверена, что он сейчас прощально помашет лапой, но вместо этого он зевнул, разверзнув огромную пасть с удивительно волчьими зубами.

– Я пошел, – сказал Боб и исчез, прежде чем я успела сказать, что пойду с ним.

– Я тоже, – сказала Терри и торопливо направилась в ту сторону, где исчезла «картина» с четвероногим заложником превратностей фортуны.

Мы с профессором остались на тротуаре. Стояли, как люди, выгнанные с вечеринки и не знающие, куда себя деть.

– Ну что ж, я полагаю, веселье на сегодня кончилось, – сказал профессор с явной печалью.

Я пошла с ним до университета. Он шел по тропинке, ведущей к Башне, – сутулый, кривоногий, – а я провожала его взглядом. Он был таким хрупким и древним, что мне казалось: ему не под силу совладать с ураганами, вечно буйствующими у подножия Башни. Он никак не мог открыть огромную дверь, пока наконец университетский дворник, сжалившись над ним, не распахнул ее мощным рывком.

Я поплелась домой – ледяной ветер из глубин космоса дул мне в спину, а за моим плечом всю дорогу тащилась тень. («Мы ведаем, что нас ищут, и верим, что нас обрящут», – изрек однажды Арчи. Цитата звучала по-библейски, но Оливия сказала, что это на самом деле из романа Сола Беллоу «Между небом и землей».)

Chez Bob

Я с трудом пробралась в квартиру на Пейтонс-лейн. Коридор загромождали разнообразные временно хранящиеся там предметы: четыре шины от «Райли 1,5-седан» 1957 года (все, что осталось от катастрофической попытки Боба стать автовладельцем, – это длинная история, которую незачем рассказывать); лампа в стиле ар-деко, которую нам так и не удалось починить; чучело императорского пингвина – Боб не удержался и купил его, зайдя как-то в аукционный зал на Уорд-роуд, но в конце концов мы сослали чучело в коридор из-за испускаемого им странного запаха смерти и плохо переваренной рыбы.

Вопреки моим стараниям квартира оставалась чудовищно грязной. В ней воняло карри и курительными палочками со странной ноткой асафетиды. Боб никогда не вытирал пыль и не прибирался («Нет смысла бороться с энтропией») и, казалось, притягивал к себе всевозможный мусор, как ходячий мусорный контейнер.

Важной частью моей мечты об уходе от Боба был мысленный образ места, где я буду жить без него, – незахламленное белое пространство, в котором нет ничего, кроме меня. Может быть, кофейный столик. Ваза с зелеными яблоками без единого изъяна. Из колонок поет Джони Митчелл. Белый ковер.

Ибо все это время я ожидала, что Боб изменится – станет энергичней и интересней нынешнего. То есть превратится в другого человека. Очень медленно – мучительно медленно – до меня дошло, что этого никогда не будет. Вначале Боб мне нравился, потому что был Бобом (бог знает почему). Теперь он мне не нравился – по той же самой причине. Я жила с человеком, главным хобби которого была игра на воображаемой гитаре и который совершенно искренне намеревался стать таймлордом, когда вырастет.

– Эй, – сказал Боб при виде меня.

На нем была фуфайка, связанная его матерью, – видно, когда мать вязала, она представляла себе идеального Боба, несколько больше натуральной величины. Еще на нем были прямые джинсы, которые я превратила в гигантские клеша, вставив клинья из старой фланелевой простыни цвета антисептической мази.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.